

Владлен Щербаков

Спасение
неизбежно

Владлен Валерьевич Щербаков

Спасение неизбежно 2014

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22565773

Аннотация

...Будущего нет. Есть прошлое, есть настоящее. Прошлое в битвах памяти, настоящее в потоках нейронов. Будущее мы творим сами. ...Только большая война или катастрофа планетарного масштаба спасет мир.

Содержание

Часть 1	5
18 мая 2014 г. 15–30	5
19 мая 2014 г. 09–00	20
19 мая 2014 г. 22–30	24
20 мая 2014 г. 09–00	30
21 мая 2014 г. 19–00	34
22 мая 2014 г. 01–40	47
22 июня 2014 г. 14–00	54
23 июня 2014 г. 09–00	59
24 июня 2014 г.	74
25 июня 2014 г. 14–30	87
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Спасение неизбежно 2014

Альтернативная история

Часть 1

Мирные будни

18 мая 2014 г. 15–30
Отдел полиции №13

Кабанов любил дежурить по воскресеньям. Народу в отделе – только дежурная смена, кабинет полностью в его распоряжении, никто плечами не толкается, не орет, не матерится. Начальство если и напоминает о себе, то по телефону, сурово вопрошая все ли в порядке. В начале дня всегда тихо. Граждане только к вечеру дойдут до кондиции: кто семью из парка к автомобилю приведет, а от магнитолы только проводки торчат, кто с природы вернется, а квартира взломана, кто по пьяни за ножик схватится.

А пока есть время посмотреть последние новости. Старший оперуполномоченный Кабанов щелкает мышью по ссылкам на новостном канале.

«17 мая в Приамурье высадился трудовой десант в количестве 500 000 человек для проведения работ на объектах строительства в рамках Российско–Китайского проекта «Дальний Восток». На экране ноутбука фотографии китайского десанта – молодые короткостриженные парни с уве-

ренными взглядами из-под эпикантуса. Кабанов щелкнул по окну видеофрагмента. Парни стройными рядами шли по вокзалу. На левом плече вещмешок, правая рука в отмашке, только что шаг не чеканят. Такая трудовая ария голыми руками военные объекты захватит, покачал головой Кабанов. Куда только контрразведка смотрит?

Что там дальше? Стрелка метнулась к заголовку «Итоги Олимпиады 2014». Итоги! Лишнее напоминание, что в России только инвалиды настоящие победители! Как всегда на параолимпийцах выехали. Хоть они золото с серебром в копилку, как мастера пера выражаются, нашей сборной принесли. Копилка! В копилке мыши давно ночуют. Дзюдо не зимний вид спорта, русских борцов кавказского происхождения за олимпийским золотом не отправишь. Во всяком случае, в качестве спортсменов, усмехнулся Кабанов. Так про что же там? Ссылка изменила цвет, открылось новое окно.

«Набирает обороты новый скандал, инициированный запросом думской фракции КПРФ о несоответствии стоимости спортивных сооружений и потраченных бюджетных средств на проведение зимней Олимпиады в Сочи. Напомним, что по официальным данным общие затраты составили 1,526 трлн рублей или 37,5 млрд евро, что в пять раз больше изначальной сметы в 2007 году. Она стала самой дорогой Олимпиадой в истории. При этом министр финансов уверяет, что 2/3 затрат понесли частные инвесторы. Таким обра-

зом, еще острее встает вопрос, на что все-таки были потрачены огромные средства?»

Все ясно. Денег угрохали миллиарды евро с долларами, а построили пару спортивных комплексов и гостиницы отремонтировали. Теперь убеждают народ о прибыльности Зимней олимпиады, проведенной в субтропиках.

А вот теперь снова про очередную угрозу из космоса. За последнюю неделю слишком часто про астероиды заговорили. Надо же какая неожиданность – новый объект на границе солнечной системы товарищи ученые заметили!

«Ученые НАСА обнаружили новый объект, представляющий для нашей планеты непосредственную угрозу. Это астероид 1999 RQ36. По мнению исследователей, его шансы на столкновение с Землей гораздо выше, чем у всех известных ранее астероидов.

К этому астероиду планируется отправить специальный космический зонд, предназначенный для изучения грунта малых космических тел Солнечной системы...»

Телефон внутренней связи забился в истерике на столе, Кабанов аж вздрогнул.

– Дмитрий, срочно спускайся! – голос дежурного в трубке. – Сообщение о взрыве.

– О заминировании может быть?

– Нет! Именно о взрыве! Во дворе дома 41 по Солнечной взорвалась какая-то хрень, есть жертвы. Дуй на своей машине туда, ГНР уже выехала. Сейчас туда все руководство при-

будет. Ты, как приедешь, сразу отзовишься что и как там мне для сводки. Короче, сам знаешь.

Хорошее начало – взрыв среди бела дня в спальном районе города. Никогда в Приволжском городе о терактах не слышали, и тут на тебе! Был, правда, случай в 2007 году – подросток по рецепту из интернета взрывчатое вещество изготовил. Друзьям в коридоре на листе бумаги показать вынес. У друзей во рту сигареты, кто-то ради смеха пепел стряхнул на бумагу. Двери на площадке вышибло, пиротехнику кисти оторвало, друзья навек запомнили, что курение вредит здоровью, когда глупыми головами в стены воткнулись. Обошлось без жертв, слава Богу. Может, и в этот раз какой-нибудь химик в пропорциях ошибся, когда петарды мастерил?

Кабанов оставил «Ниву» на углу дома. Во двор девятиэтажки уже не проехать, дорогу заняли машины «скорой помощи». По периметру двора полицейские сдерживали любопытствующих, место взрыва без труда определялось по черным пятнам крови, исковерканному кузову «Логана» и разбросанным сумкам с продуктами.

– Жертвы есть? – Кабанов подошел к худому капитану в очках, старшему группы немедленного реагирования.

– Живы все. – ответил капитан. – Я тут пообщался с людьми, предварительно картина следующая: Смирнов Игорь, 19 лет, из квартиры 28, бросил безоболочное взрывное устройство в группу граждан, находившихся возле автомобиля его родителей. Граждане Кукушкин, Укропин,

Жестков получили ранения различной степени тяжести. Сам Смирнов также пострадал от взрыва, ему оказывают помощь в одной из машин «скорой помощи».

– В какой?

– По–моему, в той, которая последней приехала. – капитан показал на автомобиль, рядом с которым припарковался Кабанов. – Там взрывника наш водитель охраняет.

– Пойду пообщаюсь с террористом.

Стало быть, криминал все-таки. Только с какой стороны, тут еще разобраться надо. Молодой парняга бросает бомбу в группу, как выразился капитан, граждан, калечится сам, уродует отцовский автомобиль. Похоже, граждане снова чудить стали. Гвоздь, Пузо и Укроп – вот те граждане, наркоманы и тунеядцы, неоднократно судимые за бакланку и хранение героина.

– Пойдите, майор. – остановил Кабанова мужчина в черном костюме. На полном лице со скошенным подбородком застыло серьезное выражение, свойственное борцам с экономической преступностью и другим кабинетным работникам. Идентичный борец стоял плечом к плечу. ОБЭПникам здесь делать нечего, значит фэйсы, догадался Кабанов.

– Я старший оперуполномоченный ФСБ майор Слоненков, это, – Слоненков показал на товарища, – капитан Игнатьев. Что здесь происходит?

– Вы, ребята, прямо как в американских фильмах: «я – агент Малбер, это агент Скалли». – Кабанов зря это сказал,

но уж больно хотелось на трансформацию самодовольных лиц посмотреть.

– Представьтесь, майор! – потребовал Слоненков.

– Дежурный оперуполномоченный Кабанов Дмитрий Петрович. – Кабанов сдвинул брови, синева в глазах превратилась в сталь.

Люди в черном переглянулись и решили не связываться с полицейским быдлом, бицепсы которого распирали рукава форменной рубашки.

– Мы доложим о вашем поведении руководству. – Слоненков шевельнул ноздрями и пошел к месту взрыва.

Кабанов махнул рукой и направился в другую сторону.

Дмитрий поздоровался с водителем «скорой помощи», спросил номер медсанчасти.

– Первая подстанция, – ответил водитель, мужик лет 50 с лицом, будто рубленным из дерева. – В восьмую медсанчасть повезем, они сегодня дежурят.

Как бы «пострадавших» вместе с бомбистом в одну палату не определили, придется охрану выделять.

– Как там подопечный? – поинтересовался Кабанов у сержанта, курившего у задней двери «скорой».

– Его врачи перевязали и под капельницей оставили, сами к другим пострадавшим пошли.

– Легко, значит, отделался.

Дмитрий открыл дверь, забрался в салон. На каталке лежал мускулистый паренек с забинтованной головой и ниж-

ней частью туловища.

– Здравствуй, Игорек. Как себя чувствуешь?

Игорь чуть скосил взгляд.

– Нормально.

– Знаешь, наверно, что можешь ничего не говорить, но чтобы тебя в террористы не записали, лучше все-таки поведай, что за конфликт с местными уголовниками произошел.

Смирнов приподнял голову, посмотрел на культуриста в полицейской форме.

– Мать с отцом в «Ашан» поехали, решили продуктов закупить побольше. Я остался, готовился к экзаменам.

– Где учишься?

– В университете, на химико–технологическом.

– Понятно. На лабораторных занятиях случайно не те реактивы смешал.

– Именно те. – усмехнулся Игорь. – И слава Богу. Услышал в открытое окно мат и голоса родителей. Выглянул, увидел, к ним трое мужиков пристают. Двое отца избивают, третий мать к машине прижимает. Я «реактивы» свои, – снова усмехнулся, – в железной фляжке достал, побежал на улицу. На лестнице чуть на шнурки не наступил, мог бы там еще теракт совершить.

Остричь парень пытается – защитная реакция, не отошел еще организм от встряски, понял Кабанов. И не сознает пока, чем дело обернуться может.

– Я им закричал, чтобы оставили родителей в покое. Они

стали орать, что скоро их время настанет, всех лохов они на нож посадят, а кто жить хочет, пусть добром делиться. Что-то в этом роде. Самый длинный, со сплющенной головой нож вынул и на меня. Успел в бок ударить. Я вижу: мать к отцу бросилась, вокруг никого, сам в сторону отпрыгнул, пробку на фляжке повернул, внутри трубка стеклянная разбилась. Фляжку под ноги этим скотам бросил, взрывом вот самого задело. Врачи говорили, никого я не убил из этих.

– Вроде нет.

– Жаль. – Игорь спокойно смотрел в глаза полицейскому.

– Да уж, теперь они такую версию споют, и ты террористом окажешься и родители албанскими шпионами. Значит так, Игорь, к тебе сейчас две пародии на Джеймс Бонда пожалуют, ты притворись контуженным, стони жалобно, глаза закатывай. Дома реактивов нет больше?

– Нет. Ни реактивов, ни рецептов в компе.

– Отлично. В больнице тоже не торопись на ноги вставать. Там тебя охранять будут, хотя эти бакланы и не должны мстить, раньше в излишней жестокости не замечались. Не пойму, что на них нашло.

День клонился к закату, Кабанов продолжал опрашивать свидетелей, особое внимание уделяя характеристикам пострадавших. В показаниях соседи представили Игоря Смирнова борцом с местной шпаной, защитником родителей, отличником учебы и просто равнодушным молодым человеком разве что без крыльев за спиной. Собственно, Кабанов

не слишком и преувеличивал, просто находил именно тех свидетелей, которых надо.

В 19–10 позвонил дежурный:

– Дмитрий, ножевое по адресу: Загорская, 79, квартира 34. Порезали студентку, она до соседей достучалась. Пока толком не ясно, то ли она там квартиру снимала, то ли в гости к кому пришла. Как приедешь, отзовись.

Вот такое воскресенье, куда мир катится?

Сокращая путь, выруливая из пробок, Кабанов направлял «Ниву» через бордюры по дворам. Надо успеть, пока «скорая» не увезла девчонку. Дом 79 по ул. Загорской Дмитрию знаком – одноподъездная «девятинка», малосемейка. Из под-учетников – два наркомана. Квартира 34 на четвертом этаже, значит, не у них поножовщина, хотя отработать их в первую очередь придется.

От подъезда уже отъезжает «скорая помощь», Кабанов заметил знакомого водителя, поморгал фарами. Приблизившись, спросил через стекло:

– Жива? Говорить может?

У водителя блестели глаза, будто через силу ответил:

– Когда несли, дышать перестала. Врачи стараются, только уж крови много...

Водитель махнул рукой, включил сирену.

– Поспешить надо.

В подъезде будто ведро с краской перевернулось: на ступенях, чернея, застывали потеки. На площадке четвертого

этажа такой «краской» были измазаны стены и двери соседских квартир. Дверь в квартиру 34 была открыта, самый густой колер окрашивал порог.

– Кто вызывал, Сараев? – Кабанов спросил давешнего капитана.

– Из 37-й, Судейкина, – капитан заглянул в папку, – Татьяна Сергеевна.

– Что выяснить удалось?

– Пока ничего, – пожал плечами Сараев. – Я тоже только подъехал, пока помог врачам девчонку до машины дотащить. Ее Катей звали. То есть зовут.

– Сама сказала? Она вообще говорила что-нибудь?

– Нет, она сама уже дышала через раз. Врачи сказали, проникающее, задета печень, боялись не довезут. А насчет имени соседка просветила.

– Звони дежурному, пусть прокурорского вызывает. 105-я здесь будет. – скрипнул зубами Кабанов. – А я к соседке просвещаться зайду.

– Татьяна Сергеевна вы будете?

– Я буду. – не стала отпираться полноватая женщина лет 40, по виду типичная домохозяйка – халат, тапочки, грязные волосы и никакого макияжа.

– Вы потерпевшую хорошо знаете?

– Нет, конечно. 34 квартира сдается, жильцы меняются постоянно, девчонки с месяц как въехали. Студенки вроде. Знаю только как их зовут: Катя – это та самая потерпевшая,

Оля и Люда. Живут они тихо, никого не приводят.

– А если бы приводили, знали бы?

– Если бы постоянно, конечно – слышимость у нас сами знаете какая.

– Что сегодня слышали?

– Я уже говорила тому худенькому полицейскому: в начале восьмого услышала, как по коридору будто пьяный шарается. Прислушалась, вроде, бормочет чего, голос тонкий. Я дверь приоткрыла, смотрю – Катя на полу в луже крови лежит. Я сразу в полицию и в «скорую» позвонила.

– Не заметили, из квартиры никто не выходил? Может шаги слышали, или Катя чего сказала?

– Какой там! Я сама чуть в обморок не грохнулась! – домохозяйка подумала и твердо закончила: – Нет, ничего не видела и что Катя бормотала не разобрала.

– Дмитрий! – в двери образовалась голова «худенького» полицейского.

– Подружки пришли нашей потерпевшей, квартиру вместе снимают.

– Так, кто из вас Оля, кто Люда? – спросил Кабанов двух бледных девчонок, по виду старшеклассниц.

– Я Оля. – представилась та, что пониже, в короткой юбке, с круглым лицом и вполне недетской грудью.

– Я Люда. – девушка с вытянутым лицом, черными длинными волосами, тонкие стройные ноги обтягивали джинсы с заниженной талией.

– Вам по сколько лет, девушки? С Катериной давно знакомы?

– Нам по 18 лет, – начала Оля.

– Мы из одной деревни приехали, в авиационном техникуме вместе учимся. – продолжила Люда.

Подружки рассказали, что Катя встречалась с молодым человеком по имени Аслан. Кавалер звонил, обещал придти к 18–00, поэтому девушки ушли, чтобы не мешать романтическому свиданию.

Катин телефон был обнаружен на кровати, на фоне красных капель номер последнего абонента. «Аслан».

По тяжким преступлениям данные абонентов операторы предоставляют без формальностей. Главное, чтобы нужный человек позвонил. Комитетские запросы лягут в скоросшиватели позже.

Аслан Бидонов, 1993 года рождения, номер паспорта, Махачкалинская регистрация. Такие вот данные по номеру сотового. Полицейские начальники обсуждают вопрос о направлении запроса в ОВД Махачкалы, чтобы тамошние правоохранители попытались у родственников Аслана его настоящий адрес в России.

– Альберт, пробей по ГАИшной базе Аслана Бидонова на предмет правонарушений. – попросил Кабанов дежурного. – Какой джигит только на зеленый свет будет ездить?

Как и ожидалось, на джигита было составлено куча протоколов. За проезд на запрещающий знак светофора, за пе-

ресечение двойной сплошной линии и, что удивительно, за непристегнутый ремень безопасности – тормозят гайцы–молодцы, не стесняются. А передвигается джигит, между прочим, на «Кайене» с номером 666.

– Приметная машина. Кричи, Альберт, ориентировки всем маршрутам и патрулям, только жути нагони, чтобы ответственностью прониклись и при обнаружении сразу ставили в известность.

Бидонова задержали при выходе из ночного клуба. Сопротивления он не оказал, во втором часу ночи патруль доставил задержанного в отдел.

Дверь распахнулась, в кабинет с хозяйским видом вошел кавказец, поправил стул и сел напротив Дмитрия. Сопровождающий Бидонова гаишник только зубами скрипнул.

– Спасибо, лейтенант. Сходи пока в дежурную часть, подробный рапорт напиши.

Лейтенант вышел, Кабанов посмотрел на наглеца. Голова с хорошим арбуз, бычья шея, черная майка обтягивает бугры мускулов, руки – клещи, ноги – тумбы, щетина, как у свиньи.

– Аслан Бидонов?

– Да! – кавказец сильнее сдвинул брови, раздул крылья носа. – Ты кто?

Кабанов поднялся из-за стола, прошел к двери. Ключ в английском замке провернулся, ригель вошел в паз дверной коробки.

– Ужас твой! – Кабанов с разворота впечатал ладонь в ухо

кавказца.

От такого ответа у Бидонова забегали глаза, челюсть упала на грудь. Аслан встал, качаясь, и сразу же пропустил удар в печень.

Белых перчаток операм не выдают. Гавно разгребается голыми руками. Миазмы отравляют мозг.

Так работали в гестапо, так работали в НКВД, так работают все настоящие опера при раскрытии убийств, совершенных с особой жестокостью. Эта жестокость всегда хотя бы в малой доле возвращается к преступнику.

– Я! Я ее зарезал! – брызгал красной слюной на линолеум Бидонов. – Она – шлюха! Заразила меня!

– Нож где? – Кабанов коленом упирался в спину кавказца и продолжал выкручивать руку.

– Нет ножа! В реку, в колодец, в яму бросил! Ничего больше не скажу! Вы все скоро сдохните! – хрипел Бидонов. – Только твой род я успею еще до конца света вырезать!

– Вот ты ж дьявол какой! Успеешь, успеешь, я последний в роду остался. Только конец света намного ближе, чем ты это представляешь.

– Это ты не представляешь! – с трудом двигая губами, выдавил Бидонов.

Зуммер телефона прервал экзекуцию.

– Что? – тяжело дыша, спросил Дмитрий.

– К тебе гости идут, – сообщил дежурный. – Товарищи из ФСБ. Интересуются задержанным.

– Свинья им товарищ. – проворчал опер.

– Они тоже к тебе не равнодушны.

Кабанов надел наручники на кавказца, посадил на стул лицом к стене.

В дверь постучали.

– Агенты Малбер и Скалли, чем могу помочь? – приоткрыл дверь Дмитрий.

– У нас отдельное поручение следователя на работу с Бидоновым. – Слоненко протянул бумагу.

– Не усугубляйте ситуацию, Кабанов. – подал голос Игнатьев.

– Как скажете, господа. Сейчас мы закончим, я Аслана в камеру отведу, и выполняйте свое отдельное поручение.

19 мая 2014 г. 09–00

Отдел полиции №13

– Бессонная ночь выдалась? Здорово, Кабан. – жилистый невысокий майор протянул руку.

– Ничего, на том свете выплыву. Здорово, Виктор. – Кабанов всегда произносил имя лучшего друга с ударением на последней гласной.

– Я на сутки заступаю, есть чего подработать?

– Нет, по оперской части коллеги уже подключились, а вот в плане общественной безопасности вся надежда на тебя. Снова в парке бодаться будешь.

– Куда деваться, закон есть закон – после 23–00 музыка не должна беспокоить граждан.

Детский парк им. Гагарина оправдывал название лишь в первой половине дня. Ближе к вечеру детей с родителями сменяли дети более старшего возраста, дамы, ищущие приключений на свои гениталии, и кавалеры, имеющие желание эти приключения предоставить. Сплошная сыпь кафешек на зеленом теле парка зудела громкой музыкой. Под тенетами продается спиртное крепостью от и до любой существующей. Сладкий запах анаши растворяется в ментоле. В кустах трава унавожена резиной использованных презервативов. Парочки во время любви имеют реальный шанс подхватить заразу бытовым путем. Если назвать бытом разбросан-

ные шприцы.

За столиками, шурясь от дыма, цедают пиво и коктейли разнокалиберные девчонки. Есть крупные экземплярки, куски мяса над заниженной талией джинс, груди вываливаются из маек, губища сосут пиво, как помпа. Есть мелочь, ножки детские, карманы штанишек натягивают кости таза, впалый живот с колечком на пупке, грудь нулевого размера, мелкие черты лица. Разносчики педофилии. Множество женских тел с искривленной осанкой, короткими ногами, отвисшей задницей. Некоторые лица свидетельствовали о наследственном алкоголизме.

И все же много в приволжском городе кандидаток в фото-модели. Тех, чей организм еще не увял от табака и алкоголя. Чьи волосы, белые, черные, рыжие, блестели здоровьем. Лицо без морщин, кожа гладкая, тело пропорциональное. Осанка прямая, грудь вперед, ноги стройные. Умных или хотя бы стильных девушек видно по одежде, манерам. Последнее национальное достояние.

Умные и глупые, красивые и страшные – девицы как разновидности валюты на рынке сексуальных услуг. Девушки наивно полагают, что с помощью дыр в своем теле смогут счастливо устроиться в жизни. Поумнее облагораживают дырки тренировкой тела, подобием образованности. Поглупее надеются на безотказность. Но и те и другие ошибаются в одном: они не продают, их покупают. Они не продавцы, а товар.

Государственная программа по увеличению населения открыла дорогу гражданам бывших союзных республик, ныне независимых государств. Независимые граждане, как потерявшие ориентир тараканы, мигрируют строго на северо-запад. Резкие пограничники со злыми Мухтарами остались в советском прошлом. Смуглые гости прибывают всеми видами транспорта. Согласно закону, уведомляют о прибытии миграционную службу. В лучшем случае с помощью различных фирм получают бланки с коряво написанным адресом временной прописки. Адресок скрепляет простенькая печать. Формально в однокомнатной квартире проживает до 200 человек. Мигранты снимают комнаты, квартиры, занимают целые районы на окраинах города. Гастарбайтеры – в основном молодые мужчины. Их задача – закрепиться, через пару лет получить гражданство, вызвать родственников. Те, кому подобное удалось, активно участвуют в госпрограмме. Населяют страну своими детьми. У кого нет национальной пары, выполняют программу, оплодотворяя резиденток. Брошенные своими алкоголиками женщины не нарадуются на работающих квартирантов. Молодухи принимают азиатское лицемерие за чистую монету.

Где оттянуться работяге, поглазеть на русских девок. А в парке угостил пивом, зубы поскалил и пьяную студентку уже щупать можно, в кустах повалить. Одному гулять в парке скучно. Говоря по-честному, небезопасно. Гастеров называют чурками и русские и кавказцы. Посланников гор русские

тоже называют чурками, но значительно дозированнее и никогда в лицо. В детском парке в центре крупного приволжского города азиаты чувствуют себя как в родном ауле. Даже ишак бегаёт по дорожкам, запряжённый в прогулочную тележку. Летние кафе «держат» армяне. Повара и рабочие – узбеки и таджики, официантки – русские девчонки.

19 мая 2014 г. 22–30

Парк им. Гагарина

В жизни Лехи Бураева не было времени переживать по пустякам. О чем тут думать – вот она жизнь простая и понятная. Думают трусы, герои действуют.

Дембельнулся Леха сержантом в начале мая 2014. Последняя должность – замкомвзвода. Служба для высокого крепкого парня трудностей не представляла. Карантин – учебка – войска. Не спецназ, не ВДВ, обычный мотострелковый полк. Рвения Леха не проявлял, команды офицеров выполнял в собственное удовольствие. Хитрые командиры поставили прямую зависимость личного комфорта от выполнения общественных заданий.

Остаться по контракту желания за время службы не появилось.

Крейсером «Скуловорот» Леха Бураев шел через толпу пьяной молодежи. В кильватере пристроился кореш. Крейсерские плечи, обтянутые майкой с надписью «Fuck you», дважды встречались с неприятельскими бортами. Короткие удары в челюсть топили корабли, трава на обочинах аллеи вместо ила морского дна. Фонари освещали минное поле голов, светлыми поплавками мелькали женские головки.

– Давненько я здесь не был, чурбанья сколько развелось, Вован! – Обернувшись, перекричал музыку Леха. Толерант-

ностью молодой человек не страдал.

– Их сейчас везде полно, как будто в Самарканде живем! – Вован в армии не служил, процесс ассимиляции происходил на его глазах.

– Пошли в «Три пеликана», – Леха через головы посмотрел в сторону мигающего огнями кафе.

– Там пацанов подождем, может, мормышек каких склеим.

Вован недовольно скривил лицо в спину дружбана, но молча пошел вслед.

Навес с надписью «Три пеликана» и рисунком носатой птицы колыхался от ветра над десятком пластиковых столов, огороженных мореными досками. Справа от входа через резные бруски мангал, похожий на модель закопченного паровоза со срезанным котлом. Рядом стойка со спиртным, цены как в ресторане. Между мангалом и стойкой два шага до двери в разрисованный вагончик. Кухня и спальня поваров и рабочих. Там же не брезговали спать официантки. Слева диффузоры колонок извиваются восточными мелодиями, столы сдвинуты, в центре прищелкивающих пальцами парней подвыпившие телки.

Леха осмотрелся в калейдоскопе огней, сквозь дымоган светлая голова показалась знакомой. Огибая столики, подошел ближе.

– Юлька, привет! Как делища? – Леха широко улыбался, глядя только на блондинку. Встретить детскую любовь на

второй день прихода из армейки – это знак.

Юлька повела глазами, зрачки сфокусировались в синей оболочке. Проекция высокого парня с задней стенки глазного яблока неторопливо достигает мозга.

– Лешенька, привет! – Девушка бросает сигарету, вскакивает с протянутыми руками. С визгом прыжок обезьяны на пальму. Короткий поцелуй, изо рта пахнет табаком и кислотой. На такие мелочи Леха не обращает внимания. В его объятиях девичье тело. Грудь, бедра прижимаются к измученному спермотоксикозом организму. Отодвинувшись, Леха видит сияние глаз и зубов. Пьяная Юлька очень рада встрече.

– Оставь моя девушка!

Только сейчас Леха заметил, что за столиком поднялись два азиата. Бураев и не понял сразу, кто из них заявил право собственности на Юльку. На эйфорию от встречи наслаилось удивление папы Карло, разговаривающего с поленом. Глупая улыбка застыла на лице дембеля. Молчание азиат воспринял как нерешительность.

– Уходи, слышь, да!

Собственник метнулся к Лехе, подбородок наткнулся на сбитые костяшки дембелевского кулака. Смуглое тело изменило траекторию в противоположную сторону, с треском пробило доски забора и приземлилось за чертой увеселительного заведения.

– Ты кому звонишь, падла! – Теперь уже метнулся об-

ретший дар речи Леха ко второму азиатцу. Из смуглых мозолистых рук выхватил телефон, машинально сунул в карман. Вован в это время засовывал кулак под азиатские ребра. Лехину ярость перекрыло удивление от Юлькиной реакции. Девушка завизжала во весь голос:

– Олимжончик, что с тобой?! – Блондинка бросилась к обугленному Буратино.

– Убили!

– Леха, валить надо! – Вован смотрел в сторону танцплощадки.

– Ты че, куда валить? Да я их сейчас на куски порву. – Бураев еще не оценил объем работы.

С визгом чингизовых туменов сзади набросились танцоры–гастарбайтеры.

– Свиридов! – закричал дежурный, бросив телефонную трубку. – В парке Гагарина массовая драка! Бери водителя и автомат, срочно туда! Я сейчас другие наряды пришлю!

Виктор вздохнул. Так и есть, снова бодаться придется.

Особых приемов Алеша не знал, лягнул назад, развернувшись, сбросил грозди супостатов. Прямой правой, крюк левой, кулаки прошлись по темным лицам. Арбузный хруст нарушил азиатские ритмы. Слащавую мелодию окрасил вой, рык, треск столов, звон посуды. Владимир крушил стулья о бестолковые головы. Музыка прервалась, Леха пропустил серьезный удар, поплывшее сознание отмечает отдельное карканье, Вована, крючком лежащего на полу. Корешок за-

крывает голову от ударов изогнутыми туфлями. Каблуки месьят почки. На помощь другу мешает придти удар тупым предметом по затылку. До слуха доносятся удары там-тама. Отдельными кадрами мент с автоматом, короткий ствол направлен вверх, пороховые газы рвутся из компенсатора. Крик «Всем лежать! Полиция!»

Леха еле держался на ногах. С облегчением выполнил команду, опустился на живот. На закрученных руках щелкают наручники, порванная щека собирает грязь, заплывающий глаз смотрит на Вована. Дружбана по щекам шлепает мент. Вован блеванул кровавой кашей, приподнял голову. Похоже, очнулся. Леха улыбнулся разбитыми губами.

Ментовский «бобик», камера, лязг решетки. Из коридора слышны нерусские голоса, громкая русская речь.

– Вы их зачем сюда привели? Нельзя их в клетку сажать! Документов нет, протокол не составишь! А то ты не знаешь. Приедет проверяющий, всех вы**ет!

– А что с ними делать? В жопу целовать? Пацанов отмудохали, одного в Семашко увезли – все ребра переломаны!

– В ФМС их вези!

– В 2 часа ночи?

– Тогда в коридоре охраняйте! Где там чучмек, который заяву хотел писать?

Изысканностью речи диалог дежурного и майора Свиридова не отличался.

Подвыпивший мужик встал, уступил половину лавки. Ле-

ха сел, покрытая синяками спина ощутила казематный холод.

Леха закрыл глаза, среди грубого мужского шума почудился Юлькин голос.

20 мая 2014 г. 09–00

Отдел полиции №13

– Как у тебя дежурство выдалось, дорогой? – в голосе Кабанова ни намек на язвительность, только блеск синих глаз выдает намерение подколоть.

– Нормально прошло. И ты не радуйся, – улыбнулся Свиридов. – Я тебе клиента подогнал. Есть возможность разбой раскрыть, хотя лично я этому разбойнику медаль за отвагу бы дал.

– Похищенное бедным раздавал?

– Один против двадцати держался.

– Слышь, баклан, нам твое признание в хер не уперлось! – Опер за столом не на много старше, но намного сублильнее Лехи.

Бураев битый час стоял у стены, набиравшие силы лучи солнца согревали ноющее тело. Жмурится не приходилось, спасали щелочки заплывших глаз.

Солнечные лучи смягчили атмосферу. Кроме окна, кабинет отличается от камеры размером и наличием мебели. Распахнулась дверь. Сквозь бойницы белковой ткани Леха наблюдает за вошедшим.

Короткостриженный мужик на полголовы ниже, со звероподобными мышцами. Мощная шея, бугры трапеции, ядра плеч, бицепсы перекачиваются под рубашкой. На кабана по-

ХОЖ.

– Что, молчит?

– Молчит. Все еще бригада из жопы не выветрилась. – Молодой опер откинулся на спинку стула. В уголовном розыске знаменитый сериал считали провокацией все независимо от возраста и стажа.

– Дай-ка материал посмотрю. – Качок взял со стола стопку бумаги, бросил взгляд на пустой бланк с данными Бураева. Диванчик в углу пискнул под тяжестью тела, опер вполуха слушал монолог коллеги.

– Слышь, дятел. Я понимаю, у тебя башка отбита. Повторяю еще раз: расклад такой – один чуркобес в больнице. Сотрясение опилок, перелом челюсти в двух местах. Статья 112 минимум. Нанесение телесных повреждений средней тяжести. У второго ты с подельником телефон отжал. С применением насилия, опасного для жизни и здоровья. Заява – «прошу привлечь к уголовной ответственности лицо славянской национальности...», куча свидетелей, телефон у тебя изъяли. Тебе чего еще надо? Статья 162 часть 2. От 8 до 15. Что ты молчишь? Только явка с повинной облегчит твою участь!

Эту жеванину Бураев слушает в третий раз. Никакого страха перед законом, тем более перед его представителями не испытывает. Какие средние повреждения, какой разбой. Его с Вованом избил гастарбайтеры. Вована чуть до смерти не запинали, на самом живого места нет. И на них же заяву

пишут.

– Денис, совсем забыл, тебя великий начальник искал. – Гора мышц перестала шуршать бумагой.

– Какой, абсолютно великий?

– Нет, просто великий, – таким эпитетом наградили зам-начальника 13 отделения полиции. – Он на крыльце курит.

– Как скажешь, Петрович. Может, ты с ним общий язык найдешь.

– Давно из армии, Алексей?

Удивление на разбитом лице заметить трудно. Опер разъяснил на всякий случай:

– Штаны у тебя в прошлом году из моды вышли и малы.

Не ожидая ответа, продолжил:

– Думаешь, рядовая бакланка вышла? Не так все просто, парень. Господин Олимжон Ходжаев – честный гастарбайтер, прописка временная в славном селе Кукуево нашей области, челюсть в гипсе, лечится от сотрясения в ГБ 2. Из больницы зарегистрирована телефонограмма. Его невеста Анкина Юлия подтверждает факт открытого хищения телефона у второго законопослушного гражданина иностранного государства.

– Юлька – невеста? – Лицо Лехи – удивленная отбивная котлета.

Надо же и отбивные котлеты могут удивляться.

– Так она в опросе указала. – Петрович шлепнул по ладони свернутыми в трубу бумагами.

– Ты ее знаешь? Давай не дуркуй, расскажи, что случилось.

– Да, занятная история. – «Кабан» сидел на диване, широко расставив ноги, наклонившись вперед – плечи шарами, голова вперед, трапеция загривком.

– Так и допрашивайся, нечего правду скрывать. Чурек грозил подмогу вызвать, поэтому телефон забрал. Глядишь, на суде разбой уберут.

21 мая 2014 г. 19–00

Отдел полиции №13

– Товарищи офицеры!

Ответом последовал скрип рядов соединенных кресел, грохот складываемых сидений, покашливание четырех десятков хмурых мужчин, одетых по–граждански.

По проходу прошествовали два полковника – начальник отдела Дробинин и, судя по зеленой форме, военный представитель. На трибуне их подждал начальник уголовного розыска Сан Саныч Ясинчук.

– Здравствуйте, товарищи. Садитесь. – поприветствовал личный состав Дробинин. – Сегодня мы должны помочь военным. Начальник районного военкомата полковник Будалин Юрий Сергеевич объяснит задачи.

– Я начну по–старорежимному, – улыбнулся Будалин. – Обстановка в мире нестабильная. На границе с Китаем складывается напряженная ситуация. С одной стороны мы предоставляем китайцам земли в аренду и участвуем в совместных проектах, с другой стороны имеется информация о скоплении вооруженных сил НОАК вблизи наших границ.

– Надо же, – шепнул Дмитрий Свиридову. – Проснулись, наконец.

– Весенний призыв заканчивается, – продолжал военный, – а служить некому. От призыва уклоняется 123 парня

только в нашем районе. Эти люди находятся в базе розыска и со временем попались бы при покупке билетов, получении документов, обращения в больницы, но нет у нас, товарищи, сейчас этого времени! Руководство Вооруженных сил обращается к вам за помощью!

– Действительно, товарищи, – вмешался Дробинин, – ситуация настолько сложная, что, как мне известно, возобновился призыв молодежи из кавказских республик.

Дробинин посмотрел на Будалина, тот кивнул.

– А они что, особенные? – проворчал Кабанов.

– Не нравится мне все это. – сдвинул брови Свиридов. – Как бы и впрямь китайцы не учудили чего, без бомб ядерных они нас в порошок сотрут вместе с кавказскими новобранцами.

– Да уж, бомбы кидать – себе дороже. – согласился Дмитрий. – Это даже Ким Чен Ын понимает.

Пока друзья просвещали друг друга политинформацией, Сан Саныч объявлял состав групп по отлову дезертиров и выдавал лицензии.

– Группа № 8: от уголовного розыска – Кабанов, от участковых – Свиридов, от ОМОНа – Тремасов. Старший – Кабанов. Дмитрий Петрович, получи данные разыскиваемых.

Кабанов прошел к трибуне, взял листок с адресами дезертиров.

– Напоминаю, товарищи, – с заключительным словом обратился Ясинчук, – операция до 8–00. При задержании при-

зЫвников объясните родственником о возможности альтернативной службы в исправительном учреждении № 6 в рядах уголовного элемента, где им будет предоставлено уютное место у параша. Призывников сразу доставлять в военкомат вместе с документами. Все, товарищи, Родина и руководство Вооруженных сил надеются на вас. Вперед. Тихо и без песен.

– Слушай, Тремасов, а не ты ли тот самый «Топор», который генерала напугал?

«Айнзацгруппа» сидела в «Ниве» Кабанова, Виктор пытал омоновца.

– Давай, давай, колись, как так получилось, что сам Козимясов в штаны наложил. Или врут люди?

– Как, как, – пробасил Тремасов. Он сидел на заднем сиденье, упираясь макушкой в потолок и лишал водителя обзора в заднее стекло.

– А вот так! Разгоняли в Москве оппозицию. Как разгоняли – не давали толпе на площадь пройти, соединиться с такими же недовольными. Декабрь, скользко, мы, как дураки, в щиты дубинками бьем, типа нас испугаться должны, идем приставным шагом. Толпа на нас пошла. Мы кое-как ее сдерживаем...

– Бойцы, слушай боевую задачу! Мы выдвигаемся на проезжую часть перед выходом на Манежную площадь. Преграждаем путь несанкционированному шествию националистически настроенной молодежи. Цель – не допустить соединения с основной массой. Спины нам прикрывает 7 рота со

стороны площади. При непосредственном столкновении запрещают бить по жизненно важным точкам. В толпе находятся сотрудники оперативных служб. Они будут выводить активистов. Кодовое слово – «Кольцову на манеж». Пропускаете за щиты, принимает Тремасов и Латунов, которые выводят в арку дома справа. Во дворе будет находиться автобус с местными милиционерами. Всем понятно?

Чего не понятного – стандартная ситуация.

– Старшина, назначьте двух человек, которые будут охранять оружие. Без моего, либо командиров взводов, оружие не выдавать! – С последними словами командир роты обернулся в сторону штабного.

Хруст снега под берцами, бряцание щитов, негромкое покашливание – в колонну по два 3 рота выдвигается на позицию. Сантиметровая корка снега свидетельствовала о двухдневном отсутствии дворников. Несмотря на дезертирство, ровная вереница домов чиста от сугробов. 30 бойцов в ряд перекрыли улицу. Рота укомплектована не полностью. За первой стеной 6 человек резерва. Тремасов с Латуновым вооружены только ПР.

Воздух наполнился знакомым рокотом. Возбужденная биомасса возникла на противоположном конце улицы.

Солнце слепит глаза, людская река заполняет московские Фермопилы. Спартанцы стояли насмерть за свою землю против инородцев. Отряд милиции выставлен против своего народа. Цель – защита конституционного порядка. Парадокс –

защищать волеизлияние народа от этого же самого народа.

– Мусора – позор России!

Надо полагать, жульем Россия должна гордиться.

Толпа остановилась в 100 метрах. Сзади напирают, передние ряды не знают, что делать, кроме скандирования и выбрасывания правой руки вверх.

Тремасов оценивает противника. Да, до революции, слава Богу, пока далеко. Патлатые подростки в обтягивающих джинсах не тянут на эсэров с бомбами и револьверами. Никакой организации, никакой специализации. Защитных средств нет, из оружия одни файеры, скорее всего. Ближе к переднему краю ряд лысых голов как отполированные морские мины. Скинхеды. Это уже посерьезнее. Тот же самый ОМОН со стороны националистов. Тремасов пригляделся: лысым дяденькам за тридцать, все в «бомберах», на ногах армейские берцы. Вот народ, в таком возрасте уже пора с детьми уроки делать, ан нет – туда же. Надо повнимательнее с этой публикой, хорошо что бошки регулярно бреют. «Позор России». Если бы не менты, трехсот воинов аллаха достаточно для захвата власти в Москве.

– Граждане! – Мегафон в руках пунцоволикого полковника. – Ваш митинг не санкционирован, вы перекрываете проезжую часть, ваше нахождение здесь незаконно! Всем немедленно разойтись!

Реакция толпы – смех, свист, мат, «Россия для русских».

– Вперед! – командует ротный.

В боевом порядке омовцы двинулись на толпу. Ритмично бьют дубинки по щитам в такт приставному шагу. Продвинутые римляне могли обратить в бегство таким макаром каких-нибудь древних зулусов. Напугать современную молодежь подобной тактикой – сомнительное дело. Так и сейчас – в строй полетели снежки, камни, бутылки. Щиты сомкнулись на расстоянии 5 метров от переднего края митингующих.

Из толпы выскочил удалец с бутылкой пива в руке. На бледном лице корявая улыбка, куртка нараспашку, шея куриная. Разбежавшись, тычет худой ножкой в алюминиевый щит. Спружинив, отскакивает, пиво плещет из бутылки, смельчак визжит от собственной смелости. Трemasов поджал губы, подошел поближе, кулак у подбородка, дубинка на плече. Удалец – прыг, кончик дубинки по темечку – шмяк. Звук выдал явно не жизненно важную часть тела. Под сдержанный смех с обеих сторон удальца отволокли в толпу. Бутылку ногой откатали в сторону. Менты опустили щиты. Славянские парни с разницей в возрасте на несколько лет посмотрели друг другу в глаза.

– Идите по домам!

– Если не мы, то кто? Пошли с нами.

Народ вывели не для братания с ментами. Была ли это провокация и с чьей стороны, разобраться впоследствии, говоря языком протокола, не представилось возможным.

Из толпы слышались крики «Осторожно, оружие!» На

щиты вывалились двое парней. Впереди белобрысый, обернувшись, плевался на лысого мужика с искаженным от злости лицом. Лысый пытался заломить левую руку белобрысого ментовским приемом. Парень, брызгая слюной, не давался на захват, в правой руке Тремасов заметил отрез трубы. Под крик скинхеда «Кольцова на манеж!» щиты раздвинулись. Парни ввалились внутрь прямо на Тремасова. Течение времени для него изменилось. Белобрысый медленно поднимает руку, не труба это, а ракетница смотрит в глаза. Сейчас снаряд разобьет забрало, расклеенной кувалдой ударит в лицо. Ухватившись за куртку, лысый мужик падает под ноги белобрысому. Тремасов не успевает сбить руку, когда раздался выстрел. Сноп искр, зажигалка бьет в грудь. Тремасов схватил руку с ракетницей. Ребром ладони мог снести парню голову. Провокатора спасла безумная ярость толпы. Манифестанты решили, что милиция открыла огонь. Задние навалились на передних, строй ОМОНовцев дрогнул. Тремасова сбивает товарищ. Только бы не упасть, затопчут. Вместо расправы нужно поднять опера...

– Держать строй! – Ротный спиной упирается в правый фланг, ноги скользят по ледяной каше.

– Левое плечо назад! Черепаха! Отходим в арку!

Это на учениях все гладко. Можно повторить, исправить ошибки. Слаженного боевого построения не получилось. Левый фланг отступил назад, пропуская народ на площадь. Задний ряд поднял щиты. Давление толпы ослабло, что поз-

волило без потерь отступить в арку. Кроме вывихов, треснувших ребер более серьезных травм не случилось. Толпа с ревом соединилась митингующими.

В здании ГУВД тихо, воздух густой и торжественный. Ряженые в милицейскую форму клерки неслышно разносят бумаги. Ковровая дорожка на лестницах и в коридорах. В красном ворсе ни пылинки. Берцы оставляют грязные вмятины 45 размера. По коридору 4 этажа следы ведут в приемную замначальника полковника Козимясова. Помятый вид командира роты, обгорелая дыра на куртке Тремасова контрастировали с отутюженным, явно сшитым на заказ, мундиром секретаря. Капитан за столом поджал губы, узкое лицо приняло выражение сушеной чехони.

– Зайцев?

Присутствие Тремасова подразумевалось само собой.

– Майор Зайцев, капитан.

– Проходите, майор, – криво улыбнулся сушеный капитан, – вас давно ждут.

Полковник Козимясов слеплен из одних прямоугольников, параллелепипедов и параллелограммов. Лишь пучеглазие скифских глаз нарушали гармонию. Над головой портрет президента, на столе письменный прибор блестит золотыми углами. Звезды на погонах отливают неуставным металлом. Козимясов собрал складки на лбу, взгляд из-под бровей полетел над сукном:

– Что, майор, привел своего идиота? Отлично! А ты

знаешь, чем закончился митинг? Нацисты разгромили все витрины, ограбили магазины уважаемых людей. Банкоматы унесли!

Как ты посмел толпу пропустить, там улица 20 метров в ширину, тебе батальон туда нужен был?

– Товарищ полковник, бойцы отступили по моему приказу во избежание массовой давки. И нас бы затоптали и сами подавились.

– Да кто ты такой? «Нас бы подавили!» Ты присягу давал! Помнишь, что там написано? Не щадя жизни!

Полковник встал, кулаки в стол, набычился и забрызгал слюной:

– Этот твой идиотина! – Казалось, глазные яблоки сейчас дулетом выстрелят в Тремасова. – Не смог пацана заластать! Ему что, теперь новую форму за его разгильдяйство? Может, обоим вам по ордену дать?

– Слышь ты, Кадаффи недорезанный!

Зайцев на секунду закрыл глаза. Случилось то, чего больше всего боялся. Тремасов превращался в берсеркера.

– Ты там был, обмудок еб**ый?.. – Тремасов на глазах полковника вырастал в размерах.

Следующие замысловатые выражения Козимясов уже не слышал. В обморок он не упал. Плюхнулся в кресло, раскрыв рот.

В кабинет забежал трясущийся капитан, махнул хвостом и испарился. Зайцев схватил бойца и потащил. На первом

этаже Тремасов пришел в себя.

– Валим отсюда! – Командир забыл уставные обороты. – Быстрее к своим!

Квадратная челюсть Козимясова тряслась, слова путались. Тремасов успел расслышать:

– Сережа! Капитан! Карпов, принеси новый мундир! Или брюки хотя бы.

– Не знаю, обосрался он ли нет, но то что не генерал это был – это точно. – закончил омоновец.

– Тебе бы мемуары писать, начальник. – сказал Кабанов. – Заслушаешься. Тебя как по имени, кстати?

– Леха.

– Ну что, Леха, предстоит нам твоего тезку изловить – Крутилина Алексея Николаевича, год как не желающего Родину защищать. Адрес: улица товарища Калинина, 13, квартира 4. Первый этаж, значит. Время сейчас 20–30, еще часок подождем, как стемнеет, подъедем к дому, понаблюдаем.

– Нам бы фотографию его, вдруг мимо проходить будет. – предположил Свиридов.

– На месте разберемся.

Разбираться на месте пришлось вот как. Виктор, как имевший нормальное телосложение и благопристойный вид, пошел беседовать с соседями, а два качка сидели в автомобиле и наблюдали за окнами нужной квартиры.

– Все окна во двор и с решетками. – сказал Кабанов. – это хорошо. Занавески – это плохо. Видишь кого-нибудь?

– Баба ходит и подросток. – ответил Тремасов. – Больше никого.

– А не уклонист ли это наш?

– По фигуре лет 15 – брат, скорее всего.

Дверь открылась, на переднее сиденье плюхнулся Виктор.

– Докладываю: Крутилин Алексей проживает вместе с матерью, старшая сестра вышла замуж, живет отдельно. Мать работает медсестрой, сам Алеша из дома редко выходит, чем занимается, неизвестно. Дверь в квартиру железная, два замка, глазок.

– Онанизмом он занимается! – заключил Кабанов. – Пошли, это он в окне мелькал.

На площадке друзья задумались над способом проникновения в квартиру.

– Скажу участковый, труп на площадке, помогите опознать. – предложил Свиридов. – Сразу не откроют, потом обязательно вылезут полюбопытствовать.

– Давай попробуем, не получится, соседей привлечем. – Кабанов нажал на кнопку звонка.

– Звонок работает? – повернулся к товарищам. Те пожали плечами. Здесь из-за двери послышался голос, как козлик проблеял:

– Кто там?

– Полиция! – неожиданно для всех гаркнул Тремасов.

За дверью послышался шелест и стук падающего тела. Еще через несколько секунд женский крик:

– Сынок, что с тобой?

Дверь распахнулась, полнокровная женщина в халате вытаращила глаза на пришельцев.

– Вы кто такие?! Какая еще полиция?! Посмотрите, что с моим сыном сделали?

– Тихо, мамаша! – Кабанов показал удостоверение и переступил через тело призывника.

– Сын ваш должен Родину защищать, а не под юбкой прятаться! Знаете, что он в розыске?

Кабанов оттирал женщину в комнату, давая возможность коллегам спеленать уклониста и отвести в машину. Коллеги не совсем правильно поняли старшего группы – Тремасов также переступил через неподвижное тело, а Свиридов, вздохнув, прислонился к дверному косяку.

Тело резко стало подвижным до невозможности. Пантелеев юркнул в ноги остолбеневшего Виктора и помчался к двери на улицу. А домофон на двери в неисправном состоянии, поэтому, когда на улицу выбежали участковый и омоновец, у беглеца появилась фора во времени и расстоянии.

– Не догнали?

– Как обезьяна от гепарда ускакал! – тяжело дыша, объяснил Тремасов.

– Не наоборот? – усмехнулся Дмитрий. – Ладно, нечего за этим чмо бегать. Никуда он не денется, паспорт и призывной я забрал у матери.

– Поехали за вторым по списку? – предложил Свиридов. –

Уж одного мы должны в военкомат предоставить.

– Не спеши, есть у меня одна идея.

22 мая 2014 г. 01–40

МСЧ №8

«Нива» припарковалась в 10 метрах левее шлагбаума, Кабанов выключил зажигание, повернулся к товарищам:

– Посидите в машине пока. Я скоро.

– А что там? – Тремасов смотрел, как Дмитрий Петрович скорым шагом миновал будку охранника и пошел в сторону сереющего здания с темными окнами.

– Восьмая медсанчасть. – ответил Виктор.

На площадке перед входом в приемный покой стояла машина «скорой помощи». Водитель затаился, огонек сигареты осветил лицо.

– Здравствуй, дядя!

– Здорово, племянничек. – хмуро ответил водитель, пригляделся к широкоплечей фигуре. – А это ты, служивый.

Водитель вышел из кабины, бросил бычок под ноги. Он оказался на полголовы выше Кабанова, худощавый, с мощными предплечьями.

– Нашел убийцу той девчонки?

– Нашел.

– Наказал?

– Сам знаешь, у нас суд наказывает.

– Знаю – самый гуманный. А девчонке всего 18 лет было. Доктора говорят, она очнулась перед смертью, заплакала.

ла. Я бы этого ублюдка собственными руками... – водитель поперхнулся.

– Меня Дмитрий зовут. – опер протянул руку. – Кабанов фамилия.

– Юрий Иванович, – ответил рукопожатием водитель. – Доронин. Механиком еще на подстанции кличут.

Кабанов прошел через приемный покой, показал охраннику удостоверение.

– Мне в нейрохирургию.

Охранник, сонный дядечка далеко запенсионного возраста, попробовал сделать серьезное лицо, подслеповато прижмурился, потом махнул рукой. Такому можно любую бумагу показать, пропустит, если посетитель телосложения крупного или по фене чего бросит и фиксой сверкнет.

Дмитрий поднялся на третий этаж. В отделении нейрохирургии дежурное освещение, несколько больных лежали в коридоре. Кабанов прошел мимо ординаторской, куда намеревался зайти позже, подошел к столику дежурной медсестры.

– Смирнов в какой палате, мадемуазель?

– Террорист который? – подняла заспанные глаза пухлая мадемуазель лет под 30. – В 307-й, его полиция охраняет. – спохватилась: – А вы кто?

– Спокойно, барышня, я тоже полицейский. – Дмитрий постарался придать лицу самое обаятельное выражение.

Барышня улыбнулась в ответ и опустила голову на руку,

поспать пару часиков, пока в отделении тишина.

Кабанов дернул за дверную ручку в палату № 307. Закрыто. Постучал.

– Кто?

– Сялям, Марат. – узнал по голосу участкового из своего отдела. – Это я – Кабанов.

– Привет. – дверь открыл полицейский в полевке с кобурой на поясе. Двухместную палату освещала настольная лампа, расположенная на тумбочке между кроватями.

– Как бомбист наш поживает?

– Лежит, молчит. Фээсбэшники его домогались, уркаганы наглости набрались, ходят из соседней палаты, разборки учинять собрались. Совсем страх потеряли. Пострадавшие, твою мать!

– Я смотрю, ситуация тебе известна и симпатии на стороне бомбиста?

– Само собой.

– Игорь! – Кабанов склонился к больному. – Это я, тот полицейский, который тебя в машине опрашивал. Как себя чувствуешь?

Игорь открыл глаза, покосился на полицейского в форме.

– Можешь говорить, это наш человек.

– Я себя хорошо чувствую. – твердым голосом сказал Игорь. – не знаете, что с родителями?

– Не беспокойся, все в порядке, насколько я знаю. – Кабанов оглянулся на Марата, тот пожал плечами.

– Значит так, студент, думаю, зону топтать не входило в твои планы, когда ты в университет поступал. Исчезнуть тебе надо, пока все не утрясется.

– В подполье уйти? У меня нет конспиративных навыков, денег на шпионские игры тоже нет.

– Послужить отечеству не хочешь? – Кабанов достал паспорт и призывной билет уклониста Крутилина.

– Служить бы рад, как говориться. Вы контрактной основе предлагаете?

– Что-то типа этого. – усмехнулся Кабанов. – Вот тебе новые документы, фотографии в них детские еще, какое-то сходство имеется, а в военкомате большой недобор, поэтому приглядываться не будут – загребут за милую душу. Пока служишь, я с местными уголовниками вопрос решу.

– Можно узнать, почему такая забота?

– Справедливость для меня, понимаешь, не пустой звук.

– Я согласен, конечно, – улыбнулся Игорь, – только как я в больничном халате и с царапиной на боку на медкомиссию приду?

– За одеждой домой заедем, справку тебе, вернее Крутилину Алексею Николаевичу, доктор напишет в том, что в стационарном лечении не нуждаешься, а там все от твоего энтузиазма будет зависеть.

– Хорошо, спасибо.

– Надо продумать, как больной Смирнов из-под охраны сбежит. – напомнил о себе Марат.

– Пошел в туалет, свернул в дверь запасного выхода. Ты же хитрый татарин, придумаешь что-нибудь.

– Добрый вечер, доктор! – коротко постучав, Кабанов буквально ворвался в ординаторскую.

Молодой врач только успел поднять голову от монитора, как гость уже протягивал руку в приветствии.

– Майор полиции Кабанов Дмитрий Петрович, а вы, – Кабанов успел посмотреть на бейджик, – Виталий Полянский! Очень приятно!

Доктор пробормотал:

– Виталий Евгеньевич. – он уже встал и пожимал руку напористому гостю.

– Оружием интересуетесь? – бросил взгляд на монитор Кабанов. – Это хорошо – настоящий мужчина должен не только спасать, но и отнимать жизни при необходимости.

– Чем могу? – смутился Полянский.

Доктор сразу Дмитрию понравился. Среднего роста, правильная фигура – в меру широкие плечи, узкий таз, сухощавые конечности, преждевременные морщины четко обозначили носогубный треугольник. Чувствовалось, что тонкие складки на узком лице не от праздной жизни. Кабанов перестал корчить из себя живчика, спросил обычным голосом:

– Виталий Евгеньевич, позвольте сначала вопрос общего характера?

– Пожалуйста. Да вы садитесь.

– Спасибо. – Дмитрий сел на диван слева от стола, доктор опустился на свое место.

– Вам работа нравится?

– Уже не знаю, – неожиданно с раздражением ответил доктор. – Когда учился, думал, людей лечить буду, а лечу по большей части дегенератов. Алкоголики, наркоманы, гастарбайтеры без документов. А привезут старушку с переломом или работягу с прободением, уже и лекарств нет и рентгеновских пленок и класть их приходится в коридорах, потому что палаты отребьем забиты. Наркоманы обезболивающее требуют, скоро врачей избивать начнут. Так что бывает думаю, ошибся с выбором профессии.

Накипело у товарища, понял Дмитрий.

– Хорошему человеку помочь надо, доктор. Смирнову из 307 палаты.

– Который уголовников взорвал? Так он и так ни в чем не нуждается, сотрясения мозга нет, порез на животе без нагноения, скоро выпишем.

– Сию минуту его надо выписать, Виталий Евгеньевич. Только в справочке другое имя указать. Сейчас я вам все объясню.

В молочных утренних сумерках «Нива» остановилась у дверей районного военкомата. С водительского места вышел накаченный мужик, с пассажирского – молодой человек в легкой куртке и с рюкзаком.

– Пойдем, Крутилин, к военкому провожу. – подмигнул

Кабанов. – Надеюсь, уже сегодня на сборном пункте окажешься. Да, еще вот что – будет время, напиши по электронной почте где и как служишь. «Емелю» я тебе сейчас накарябую.

22 июня 2014 г. 14–00

Городская площадь

На главной площади города бурлил митинг.

– Господа! – брызнул слюной с трибуны седовласый крепыш, сверкая тельняшкой в вороте рубашки.

Толпа зашумела.

– Товарищи! – вскинул руку оратор с зажатой в кулаке кепкой.

В толпе заулюлюкали.

– Братья и сестры! – оратор протянул руки вперед, как индейский вождь навстречу солнцу. – Граждане моего горячо любимого города! Вы меня все хорошо знаете! Я, Виктор Андреевич Трахов, бывший мэр города никогда вас не обманывал!

В толпе усилился шум, послышался свист с разных сторон, матерные ругательства. Не обращая внимания, Виктор Андреевич продолжал:

– Вот смотрите, я тут перед вами, а где господин Дазаров? В Москву улетел! Оттуда решил руководить, а проблемы с собой не взял! Взял всю челядь свою и директоров банков! Бросил он вас! Граждане, в это беспокойное время я беру на себя обязательства служить вам верой и правдой!

– Ловко Виктор Андреевич всплыл. – усмехнулся Кабанов. – Недаром на подводной лодке служил.

– Свято место на службе у народа пусто не бывает. – заметил Свиридов. – Тем более с таким партнером.

Друзья стояли в передних рядах митингующих в десяти шагах от омоновского оцепления.

– Нет никакой причины для паники! – кричал Трахов. – Сколько раз нам конец света предрекали! То Нибирой пугали, то Фукусимой! вспомните, как 21 декабря ждали? И что? Ничего не случилось! Так и сейчас, если никто дурить не будет, ничего с нами не случится! Да, появилась лишняя точка на небе, но ученые всего мира, даже Британские, – Виктор Андреевич широко улыбнулся, – утверждают, что этот небольшой астероид пройдет где-то в районе Юпитера или Плутона, короче говоря, на самой жо..., на самой окраине вселенной!

– Ловкач дядя Витя. – прокомментировал Кабанов. – Подкинет продуктов по бросовым ценам и водку бесплатную на розлив, народ на руках носить будет. А Алексей Иваныч конкурентов сожрет.

– Что касается так называемого китайского конфликта – плюнуть и растереть! И не такие Чингиз–ханы с Гитлерами на Русь–матушку войной ходили! И где они сейчас? А мы с вами русские до сих пор! Конец света может наступить, если только в головах ум за разум зайдет и по–людски перестанете себя вести.

Трахов вытер губы и двинул рукой в сторону возвышающегося рядом генерала.

– Позвольте представить вам, если кто позабыл, нового начальника полиции Алексея Ивановича Ермакова, уроженца нашего города, вернувшегося на свой пост после небольшой командировки.

Генерал чуть наклонил голову, обвел притихшую толпу взглядом.

– Братья! – оскалился полицейский.

Кабанову на мгновенье представился Шерхан на трибуне.

– Именно братья! К сестрам у меня вопросов нет. Я вам не позволю смуту учинить! Пусть хоть Луна на город падает или китайские танки к Уралу подойдут, кого на мародерстве поймаю, своей рукой голову оторву! А теперь расходитесь, митингов больше не будет!

В толпе зашумели, но в целом одобрительно. Люди потихоньку стали расходиться.

– Слава Богу, без происшествий обошлось. Свирид, ты поглядывай пока, а я пойду с давним приятелем поздороваюсь.

Кабанов прошел за щиты оцепления, кивнув Тремасову и еще двум знакомцам в шлемах с открытым забралом.

– Привет, Вольдемар!

– Привет, Гитлер! – отозвался поджарый капитан с длинными не по уставу волосами.

– Тихо, тихо. Так меня только жулики зовут, а здесь кругом честные люди. – пошутил Дмитрий.

– Особенно тот на трибуне в тельняшке. – поддержал шутку капитан.

– Ты где сейчас, Путилин? Я тебя в последний раз вроде майором видел.

– Долго рассказывать, а если коротко – начальству не нравлюсь.

– Прической не довольны?

– Как правило, с нее все и начинается. Я сейчас в городском УВД в отделе по грабёжам и разбоям. Только вряд ли там задержусь.

– Ермаков по знакомству пристроил? – ухмыльнулся Кабанов.

– Нет, он вчера только из Москвы прилетел. – Путилин скривил губы. – И на бал сразу.

– Чего ему в столице не жилось, вроде как на замминистра метил.

– Другому замминистру дорогу перешел, говорят. Генеральские погоны навесили, Десерт Иглом наградили и пинком в родной город подальше от серьезных дел.

– Здесь его Трахов подобрал и обогрел.

– Лучше так, чем анархия. Сам-то где сейчас трудишься? – сменил тему Путилин.

– Там же в 13 отделе.

– Начальником?

– Боже упаси от лицемерных должностей! – деланно перекрестился Кабанов. – Так же опером. Все ведь, между нами, от исполнителя зависит. И работать кому то надо.

– Приятели проговорили до получения приказа строиться

по своим подразделениям.

– Ну, счастливо, Владимир Владимирович!

– Увидимся, Дмитрий Петрович.

23 июня 2014 г. 09–00
Отделение полиции №13

– Кокоша, Кондратьев, Канюкаев, что вы ржете там, как три сапога – пара? – Начальник участковых майор Геращенко выражал мысли стилем известного в свое время премьер–министра.

В комнате 30 квадратных метров 15 мужиков в синей форме дышали табаком и потом. Образцовый участковый должен быть исполнительным, плотным в теле, глуповатым на вид, начальству внимать с должным почтением, но делать все по своему. Образцовых изначально мало. Все приходят разные. Система оставляет податливых. Дальше фронта не пошлют. Если оперов можно сравнить с полковой разведкой, то участковые уполномоченные это окопная пехота. Лишнего не перебежит, без команды не отступит. В уголовном розыске все понятно – совершено неочевидное преступление, изволь найти свидетелей, получить информацию, поймать, расколоть жулика. Участковый имеет дело с правонарушениями. Пограничными с преступлениями ситуациями. Надо иметь желание, азарт выявить преступление среди бабулькиных жалоб, получить и проанализировать информацию среди подучетного элемента. Желания эти, если и присутствовали в организмах, впервые принятых на службу, система сжигала, как Бонивура в топке паровоза. Заявления неурав-

новешенных людей, жалобы на соседей, на родственников.

Все требует десятидневной проверки, не успеешь, вы... ут как за измену Родине.

– Свиридов, я тебе материал отписал не по территории. Сам понимаешь, народу не хватает, а там дел на полдня. – Геращенко блеснул очками на нового подчиненного.

После 15 лет службы Виктор Свиридов ненавидел начальство, жуликов, потерпевших. Именно в такой последовательности. Чем праведнее с возрастом становилась жизнь, тем сильнее становилась ненависть. Что заставляет зрелый организм терять последнее здоровье на ненавистной работе? Облегчение процесса правосудия. Свиридов судит не по праву продажного закона, а по праву, установленному историей человечества.

Материал, полученный Свиридовым в дежурной части, состоял из заявления и куцега опроса. В заявлении гр. Назарова О. А. просит привлечь к уголовной ответственности парня по имени Слава, который с применением физического насилия открыто похитил 600 рублей и сотовый телефон Нокиа. В опросе информации не больше. Контактные телефоны дежурный по разбору не записал. Что ж, адрес под боком. Застежка папки весело стреляет солнечными зайчиками, Свиридов, вдыхая запахи сирени, подходит к серой девятиэтажке. Последняя квартира в доме, на звонок в домофон – сигнал отсутствия трубки. Ткнул наугад: «Экспресс–почта». На просьбу открыть сотруднику полиции натренирован-

ные зомбоящиком граждане отвечают: «Мы не вызывали!»

На площадке 9 этажа майор оценил двери квартир. Прикинул – дверь средней ценовой категории, без обожженного звонка, надписей на окружающей стене нет. Вошло в привычку интересоваться образом жизни заявителя перед разбирательством по делу. Свиридов позвонил, глазок на секунду потемнел.

– Кто там? – Женский голос без истерики. Отлично.

– Здравствуйте. Полиция. По поводу соседей.

Дверь приоткрылась, блеснули стекла очков, интеллигентного вида мадам оценивает внешность мента, на секунду заглядывает в удостоверение. Судя по приглашению в квартиру, оборотня не учуяла. Мадам аккуратно закрыла внутреннюю дверь, в чистой квартире запах одинокой стареющей женщины. Свиридов потоптался на половике, прошел в кухню. Стол, две табуретки, плита и холодильник: много времени хозяйка на кухне не проводит.

– Как я понимаю, Вы насчет Назаровых.

– Правильно понимаете...

– Инесса, – очки блеснули с оттенком эротизма, – Павловна.

Конечно, Инесса Павловна! По–другому и быть не должно: или библиотекарь, или учитель.

– А Вас как величать, позвольте узнать?

– Виктор Андреевич. Больше никто не хулиганит, Инесса Павловна? – Свиридов прикинулся поленом с зарубкой от

фуражки.

– Вы знаете, Виктор, – не отступала Инесса, – на площадке еще парализованная старушка, другая квартира давно продана. А в последние дни у Назаровых масса проблем. Насколько мне известно.

Да все тебе известно, бездетная ты шпиенка.

– Вы их давно знаете? Что же такое сейчас происходит, Инесса Павловна?

– Мы знакомы с момента заселения. С мужем Татьяна давно развелась. Она и раньше выпивала, а в последний год совсем спилась. На улицу в одной сорочке выбегает, как напьется, а уже не девочка! – Инесса гневно блеснула очками, Свиридову почудились нотки потаенной зависти.

– Часто выбегала? Куда бегала?

Через стекла очков Свиридов уловил подозрение. Глаза милиционера излучали живейший интерес и ни фотона издевки. Успокоившись, Инесса продолжала:

– Куда бегала, не знаю, молодой человек, а раз в месяц пьет, как...

– Сапожник. – Подсказал Виктор.

Инесса Павловна укрепилась в простодушии полицейского, с чувством превосходства согласилась:

– Ну, пусть будет «как сапожник». Так вот, Виктор, ее дочь – Ольга встречалась с парнем, забеременела. Как я поняла, кавалер ее бросил. Ольга родила перед 8 марта, сейчас с ребенком сидит. Девушка не плохая, но курит. Училась не

ахти, а могла лучше. Рано с парнями стала общаться. Слишком близко, я бы сказала. Я завуч школы № 3, местную молодежь знаю. Так вот что я Вам хочу сообщить, – лицо завуча приблизилось, Свиридов рассмотрел чистую зеленую оболочку глаз одинокой порядочной женщины. Поневоле представил, как она ворочается на неразложенном диване, лелеет свое одиночество, подвергает бесконечному анализу восточное «спать лучше одному, чем с кем попало».

Инесса спохватилась, заняла нейтральную позицию, стеклышки потухли, вздохнув, продолжила:

– С месяц назад Ольга изменилась. Возможно, послеродовое состояние, но мне кажется, она принимает наркотики! Не удивляйтесь, Виктор, наркоманов я видела больше, чем беременных. А неделю назад Татьяна чуть не убила дочь, я даже хотела вам звонить.

Пора знакомиться с гр. Назаровой О. А. – курякой и наркоманкой. Свиридов потянулся к замку. Щелкнул замок, обитая дерматином дверь распахнулась внутрь. Девушка натолкнулась на милиционера, сигарета сломалась в руке. Тела на миг соприкоснулись, испуганное «ой!». Свиридов сделал шаг назад: видео, аудио – положительно, одорологическая фиксация – неуд. Черная шелковая грива контрастировала с бледностью лица. Впалые щеки, припухлые губы. Позже на свету в глазницах обнаружили синие глаза. Лицо взрослой женщины с детским выражением глаз. Под майкой чуть отвисшая грудь между 3 и 4 размером, плоский живот. Теплая

ткань пижамных штанишек облегает широкие бедра, стройные ноги. В запахе молодой женщины смешаны молекулы шампуня, духов, памперсов и табака. Голос обещает быть тихим и грудным.

– Добрый день, мадемуазель! – Виктор пытается сразу завоевать расположение. Вежливость – лучшее оружие.

– Я ваш новый участковый. Вы – Ольга Александровна.

От вежливости представителя карательной системы де-вушка опешила, потом рассмеялась.

– Можете на «ты», я не старая. Пойдемте в комнату.

И не покурила!

В квартире запах памперсов б/у усилился. В двух комнатах вещи раскиданы, как после посещения квартирными ворами, но чисто.

– Давайте на кухню пройдем. Ребенок спит пока.

– Давай, Ольга, я тебя опрошу поподробнее. – Свиридов достает бланк опроса, бесплатная газетка между листом и грязной клеенкой.

«... опросил: гр. Назарова Ольга Александровна, 1993 г. р., урож. ..., образ. среднее, не судима, не работает, прож. г. ... ул. ... д. ..., кв. ... По вышеуказанному адресу проживаю с матерью Татьяной Сергеевной, 1969 г. р., сыном Степаном, 04.03.2014 г. р. 17.06.2014 года в 22–00 я вышла на улицу подышать свежим воздухом. Я села на лавочке у гаражей на краю детской площадки покурить...»

– Свежим воздухом подышать, стало быть?

– Дома устала сидеть с ребенком, мамка пьяная пришла. Я Степу соседке на 15 минут отдала.

«...Ко мне подошли два парня. Один – Слава, учились вместе, он закончил школу на два года раньше, второго не знаю. Слава подошел и потребовал 1000 рублей, которые я заняла у него 2 недели назад...»

– Славик вот так запросто всем деньги одалживает?

«...Когда занимала, срок возврата не обговаривался. У меня при себе было 600 рублей в сумочке и телефон Нокиа, модель не помню, покупала несколько лет назад на Птичьем рынке за 2000 рублей, документов на него нет. Сим-карта: абонентский номер 8927....., оформлен на мое имя. Также в сумке находился паспорт. Я ответила, что 1000 рублей у меня нет, попросила об отсрочке. Слава пнул меня в живот. Я упала с лавки, он взял сумку, расстегнул, забрал деньги, остальное выбросил на землю. Подобрал паспорт и телефон, положил в карман. Я поднялась и потребовала вернуть свои вещи. Слава несколько раз ударил меня по лицу и в живот руками, я убежала домой...»

– Матери ничего не говорила?

– Она пьяная спала уже.

– Во дворе никто не видел, как тебя Славик избивал?

– Уже стемнело, за гаражами не видно со двора, даже если кто там был.

«... сразу в полицию я не сообщила, потому что была в подавленном состоянии, мне необходимо заботиться о ребен-

ке. Видимых повреждений у меня не было, в медицинские учреждения не обращалась. Через неделю после случившегося вечером к нам домой пришел Слава, адрес узнал в моем паспорте. Дверь ему открыла мать. Слава сообщил ей о моем долге и предложил выкупить паспорт. Мама закричала на него, вырвала паспорт, вызвала милицию. Слава ушел. Мама отругала меня, прибывшим милиционерам я написала заявление о привлечении Славы к уголовной ответственности...»

– Короче говоря, мать заставила.

– Ну да, мне и самой обидно, только я знаю, что его не посадят! Только время потеряю.

– С чего такой пессимизм? – Свиридов прекрасно знал ответ.

– А кого сейчас сажают? Славик уже сидел два раза. По два–три месяца. В школе одного битой избил, телефон отобрал. Ему условно дали. После этого он совсем обнаглел, делает, что хочет, никто его не трогает!

Девушка, похоже, не божий одуванчик. Все ли договаривает?

– Ладно, посмотрим. Где он живет, знаешь?

Темно–синие глаза заблестели, голос стал еще тише:

– Не знаю. Меня как парень бросил, я из дома почти не выходила. Со Славиком месяца два назад познакомилась, раньше только в школе видела.

– Так, в целом, все ясно. Мать во сколько приходит?

– В пять – полшестого.

– Где отделение милиции, полиции! знаешь. В шесть–тридцать с паспортом подойдешь в дежурную часть, скажешь к Свиридову. Поедем с тобой в офис «Мегафона» за детализацией звонков. В распечатке серийный номер телефона будет.

На недоумевающий взгляд девушки пояснил:

– Это для возбуждения уголовного дела необходимо. Ты, Ольга, не загоняйся, делай, как я скажу, и будет тебе счастье.

Ольга дотронулась до волос, склонила голову, скулы порозовели.

– Счастье – это хорошо. – Улыбнулась девушка.

Рабочий день участкового уполномоченного заканчивается в 18–00, Свиридов в усилии не задействован, переделся в кабинете – джинсы, майка навывпуск – в связи с восточными событиями ПМ обязали носить постоянно. Хоть так утешили. К 18–30 Ольга не подошла. Свиридов сел в машину, по случаю замененный салон освежал восьмерку изнутри. Торопиться некуда, никто не ждет. Стройные ножки примагнитили взгляд. Девушка в мини–юбке, сиреневой майке шла по направлению к отделу. Роскошные волосы, мячики груди, сумочка через плечо – майор не сразу узнал свою потерпевшую. Ольга умело накрутилась. Фотомодель. «Был бы я помоложе, а она без груза.» Под грузом старый холостяк подразумевал Степана.

Виктор вышел из видавшего виды транспорта, позвал

Ольгу.

– Ты прям королевна. Садись, опоздаем.

– Спасибо. – Ольга улыбнулась на комплимент.

Девушка прыгнула в машину, уютно устроилась на сиденье. На колени положила сумочку, откинула черную прядь, по виду на пикник собралась. Свиридов вспомнил про беременность, домашнее существование, ребенка на руках. Тут хоть какое развлечение.

– Поехали, мамзель.

С июня 2014 года «Мегафон» остался единственным стабильно работающим оператором сотовой связи. Цены на услуги влетели на порядок. До Безымянского филиала километров пять. В вечернее время пробки в обратную сторону. Все равно Свиридов еле сдерживался не подавить баранов, мнящих себя пешеходами. Так называемые гости из южных республик, казалось, никогда не видели светофора. Или в Азии красный свет означает беги, зеленый – иди.

– Пидарасы! – Голос у Назаровой чувственный, глубокий, ругательство получилось ласковым. Виктор рассмеялся, повел спокойнее.

Детализацию Ольга получила без проблем. До настоящего дня сим–карта работала.

– Ольга, позвони на свой номер, если ответит Славик, скажи, что нашла деньги, хочешь отдать долг. – Солнце отливало медью, когда Виктор подруливал к Назаровскому дому. В синем небе как пулевое отверстие красное тело.

– Алло, Слава, ты? Я рубль нашла, верни мне телефон, пожалуйста.

– У прохожего телефон попросила.

– Потом меня мать не выпустит.

– Хорошо, жду у подъезда.

– Сказал, сейчас подойдет. – Ольга вернула телефон, сгорбилась. – Он потом меня не убьет?

– Убьет – посадим. Шутка. – Свиридов прикинул пути возможного появления подозреваемого.

– Иди, сядь на лавку. Подойдет он, откроешь–закроешь сумку.

Ольга кивнула, достала сигарету с зажигалкой, губы поджались, глаза увлажнились. Свиридов почувствовал неловкость, захотелось приобнять, успокоить девушку.

– Курить – здоровью вредить! – Теперь это действительно шутка.

– А мне целоваться не с кем!

Минут десять Ольга сидела на низкой лавке, край мини-юбки вровень с доской. Виктор внимательно следил за ручной кладью, из поля зрения, естественно, не выходили и девичьи части тела. Девушка встала, вроде как проверила застегнута ли сумка. Коротко стриженная вешалка подошла походкой короля на плэнере. Майка болталась на широких плечах, руки худые, а лицо круглое тупое и злое. Хорошо не догадался узкие джинсы носить. Дятел.

Свиридовские пальцы жестко обхватили локтевой сустав.

– Здорово, Славик! – Одного роста, посмотрели друг друга в глаза.

В глазах Славика читалось понимание, но надо сохранить лицо:

– Те чё надо? Какой я тебе Славик? – попытка выдернуть локоть.

– Полиция! – объявил Свиридов, правая рука потянулась за наручниками на брючном ремне, из-под майки маякнула кобура.

– Не дергайся, садись в машину, в отделе разберемся.

Доехали молча. Каждый планировал линию поведения.

Свиридов взял у дежурного ключ от оперского кабинета, завел пленника. Кабинет – 3 стола, 5 стульев, 2 сейфа и шкаф для одежды – не ремонтировался лет 10. Люминисцентные лампы холодно освещали потертые стены. На синей цементной крошке пятна бурой жидкости. Кровавая Мэри уже приелась на пятничных попойках. Граждане по неизвестной причине принимали томатный сок за кровь невинных мучеников. Черные следы подошв на старом линолеуме довершали картину камеры пыток.

– Содержимое карманов на стол. – Свиридов отстегнул наручники, подошел к окну, плотные шторы отсекали возможных свидетелей ОРМ.

– Слышь, начальник, ты не обознался? Меня Сергеем зовут. Фамилия Дорофеев. – Жулик проверял на опытность. Глаза исподлобья следили за реакцией на грубость.

Наручники бухнули о поверхность стола, Виктор спокойно вернулся к бывшему зэку. Между зрчками оппонентов от силы 30 сантиметров, воздух опоганился гнилым пищеводом. Психологический поединок закончился коротким незаметным ударом в печень.

– Все, кх–кх–р, начальник. Все понял! – Дорофеев превратился в Славика.

Дальнейшая беседа прошла в спокойной, почти дружественной атмосфере. Славик выложил на стол телефон Нюкия, пару мятых стельников, пачку сигарет, ксерокопию первой страницы паспорта. Свиридов посмотрел по компьютеру реестр подвигов: грабеж, разбой, последняя судимость за хранение наркотиков.

– Дорофеев, чей это телефон? – Свиридов указал на стол.

– Командир, трубка этой шалавы. – Дорофеев быстро глянул в ментовские глаза. – Ольги. Она мне в залог дала, штуку заняла, третью неделю не отдает.

– Дала в залог и заяву бросила! Вот сволочь, давай ее за ложный донос привлечем.

Жулик не понял – мент шутит? Через секунду даже легче стало.

– Ты опупел, гандон штопанный! Тебя с телефон взяли, ты еще туфту гонишь – сама дала! – заорал Свиридов. – Пиши давай явку, глядишь, зачтется. Ты условно освобожден, на нарах будешь горбатого лепить!

Виктор старательно изображал плохого полицейского, но

особой злости не чувствовал. Зато все чувствовал Славик.

– Не ругайся, командир. Ольга давно на белом сидит, тыщу у меня на дозу занимала. Отдать нечем, вот она и заявила. А заработать за один вечер влегкую может.

Вот так. Фотомодель с грудным дитем. Виктор помрачнел, дальнейшая упаковка ограничилась лишь необходимыми словами «подписи – здесь, здесь и здесь. Здесь – «с моих слов записано верно, мной прочитано.»

Совершал Дорофеев мелкие хулиганства? Совершал. Не сегодня может быть, но протокол задержания подписал без лишних вопросов, с уверенностью честного жулика. Такое поведение чуть смутило в душе Виктора. За подобный грабеж не арестовывают, но Славик – условник!

– Слушай, а почему Славик?

– А? – Дорофеев разогнулся от стола, сдержанной ухмылкой постарался не усложнить обстановку:

– Славным парнем я был в свое время. Наверно.

Разбираться в славе Дорофеева времени не было, да и по барабану это было новому участковому. Виктор отвел задержанного в КАЗ, вернулся в кабинет. На столе бланки объяснений, пакет с телефоном, заявление. Неужели наркоманка? Почему красивые девушки так быстро садятся на иглу? Ну, да, некрасивым можно, а Ольге нельзя! Так, погоди, кому я верю, жулику? Все же Виктор по-другому оценил некоторые нюансы Ольгиного поведения. Ладно, разберемся завтра. Принимать позицию жулика в любом раскладе для опе-

ра нельзя. Внутренняя уверенность многое значит.

Виктор подбил материал. Протокол осмотра, рапорта, сопроводилка. Немного подумал о квалификации преступления, решил 161, часть вторая – с применением насилия, значит в следствие, хотя ущерб, конечно, большим не назовешь.

В начале двенадцатого ночи Свиридов вставил ключ в замок зажигания. Можно остаться ночевать в отделе, из плюсов – машину под окнами не бросать, но возобладал мстительный разум: наведут ночью антиобщественный элемент, гастарбатов безработных, придется подключаться к отработке. Нет уж, поехали домой. Назарова с утра подойдет, проинструктирована.

Виктор вспомнил шелк волос, стройную фигуру, походку девушки. Какая наркоманка? Наркоманов что ли не видел.

24 июня 2014 г.

Районное УВД

Собрав материал предварительной проверки, Свиридов понимал, что главные трудности впереди.

– Что, мать совсем помогать не хочет? – Виктор покосился на пассажирку. На Ольгиных коленях лежал попискивающий кокон. Лицо девушки осунулось, глаза ввалились, синева венозной крови, как готский макияж.

– Так на ее зарплату и живем. Торговать не выйдет, хозяин сразу выгонит. Никак с ребенком остаться не могла.

Проклятая система! Материалы передавать только с лицами. Дела возбуждаются только после допроса потерпевшего. Так уточнило законодательство местное руководство. «Хозяин!» так рабами и становятся.

Свиридов подъехал к зданию центральной части полицейского управления. Взгляд выцепил БТР за ограждением. Стоит в глубине двора, утреннее солнце нагревает зеленую броню. Наверняка с военным водителем прислали, штатные от буханки нос воротят, руль им выкручивать тяжело.

– Ладно, пошли. С ребенком, может, быстрее допросят. Он у тебя как, смирный? – К грудным детям Свиридов относился с опаской, крохотные тела считал нежизнеспособными инопланетянами, от которых, тем не менее, можно ожидать чего угодно.

– Смирный, смиренный. – улыбнулась Ольга.

Вместо девчухи в форме на вахте суровый автоматчик. На погонах у Свиридова звезда между двух полосок, но удостоверение пришлось предъявить – правила ужесточились. На первом этаже основного здания дежурная часть, далее по коридору двери в кабинеты штабных и тыловых руководителей. Участковый провел Ольгу на лестницу. На втором этаже оперские кабинеты от следственного отдела отделяет лестница снова на первый этаж. Там, в пристройке, куражится дознание – в последнее время сплошь выпускницы деревенских школ. Смуглые девушки с изумлением на плоских лицах обнаруживают себя вершителями судеб. С позволения начальства, конечно.

Начальник следственного отдела, полковник юстиции Никитина Елена Николаевна, занимает самый дальний кабинет от своих подчиненных. Железная леди старательно скрывает миловидность лица за маской неприступности. Виктору иногда казалось, что она стесняется своего роста. 180 см помогает руководить, а как там в личной жизни, остается только догадываться. Никто не видел начальника с кавалером, никто не слышал, чтобы она любезничала по телефону.

У Елены Николаевны 6 замов – все, как на подбор, женщины далеко не модельной внешности. При этом у двух характер добродушный, остальные с успехом могли бы подрабатывать надзирательницами в подвалах папы Мюллера. В их функции действительно входил надзор за младшими

товарищами – процессуально независимыми следователями, девушками, полностью зависимыми от воли руководителей. Заместители в своем производстве уголовных дел не имели, на места происшествий не ездили, следственных действий не проводили. К 10 часам попы уютно устраивались в кресла, головы утыкались в наспех сшитые документы: надо проверить качество допросов, отметить карандашом недостатки, по внутренней линии вызвонить подчиненных, показать свою юридическую грамотность. Куча дел! А еще чаю попить с тортиком, за жизнь заместительскую поболтать. Проверка материалов, доставляемых операми и участковыми, – тяжелая обязанность, возлагаемая Никитиной на каждого зама по очереди. Материал необходимо прочитать, дать квалификацию преступления, отписать дежурному следователю. Так и чай остыть может.

Свиридову не повезло – сегодня проверка возложена на Марину Владимировну Лупоглазую. Фамилия, конечно, другая, но звали сутулую рыхлую женщины в глаза по имени–отчеству, при всех других обстоятельствах по прозвищу. Марина Владимировна прекрасно об этом знала, реабилитироваться не спешила, наоборот, стремилась испортить как кожу пирожной диетой, так и отношение с сотрудниками бесконечными придирами.

– Молодые люди, уступите место даме с ребенком. – Свиридов навис над двумя парнями, судя по неуверенному виду, вчерашними потерпевшими. Встали оба джентльменами.

– Спасибо.

– Ольга, садись сюда, – майор подвинул спаренные кресла напротив нужного кабинета, – качай ребенка, можешь поспать. Когда надо, позову.

Ольга послушно устроилась на жестком сиденье, достала бутылочку из сумки. На удивление, кокон на ее коленях лежал тихо, Степан выдавал себя лишь кряхтением и почмокиванием.

– Это надолго?

– Боюсь, что да, мадемуазель. Видишь, сколько народа? – Свиридов показал на полицейских с бумагами в руках. Рядом стояли граждане, которые только сейчас реально стали терпилами. Пострадав от жуликов, теперь придется претерпеть от родного государства в лице чиновников от юстиции.

– И очередь нам никто не уступит, у всех сроки по материалу истекают.

Ольга подобрала ноги, склонила голову к ребенку, волосы черным крылом закрыли лицо.

За 40 минут Виктор рассмотрел прелести большей части следователей – девушки заходили вне очереди, поздоровался со всеми операми, на вытянутых руках подержал Степана, пока его мамаша бегала в туалет. Наконец, Свиридов проник в вождеденный кабинет.

– Посмотрите материал, Марина Владимировна.

Свиридов никогда не заискивал, не улыбался, полагая, что следственный отдел должен выполнять свою работу незави-

симо от графика ПМС.

Глаза Марины Владимировны напучились, полная рука схватилась за телефон.

– Подождите за дверью, мне некогда.

Свиридов зашел через пять минут, положил бумаги на стол, показал в приоткрытую дверь:

– У потерпевшей грудной ребенок, мы сидим уже почти час. Пожалуйста, посмотрите материал. Неделю назад Дорофеев открыто похитил у своей знакомой телефон и деньги. Рядовой грабеж, здесь ничего сложного.

Виктор понял, что совершил ошибку. Лупоглазая, мельком взглянув на Ольгу, уже читала рапорт, когда услышала последнюю фразу. Марина Владимировна поднимает глаза, сходство с жабой усиливается, важно квакает:

– Я сама решу, что здесь. Дорофеев задержан?

– Да, в КАЗе сидит. Телефон изъят.

– Назарова побои снимала, свидетели избиения есть?

– Нет.

– Грабежа я здесь не вижу, максимум – самоуправство, часть первая – дознание. В опросе Дорофеев указывает на то, что его знакомая Ольга задолжала 1000 рублей, телефон он забрал в качестве залога.

– А деньги тоже в качестве залога? Бил, потому что знакомый?

– Только на ее показаниях мы основываться не можем! Мало ли что она напридумывает.

Вот такая политика. Прежде всего, надо верить трижды судимому наглецу. Разве такой человек может врать.

– Мы на показаниях жулика будем основываться? – Свиридов становится вбок, открывая вид на потерпевшую.

Женский взгляд задержался на ребенке, Марина Владимировна вздыхает и поднимается со стула!

– Подождите в коридоре, я посоветуюсь с Никитиной.

Через 20 минут надежда на скорый допрос Назаровой и возбуждение дела рушится. Лупоглазая с каменным лицом передает растерзанную стопку майору:

– Самоуправство, часть первая. Дознание.

– Оля, седи здесь, – сквозь зубы сказал полицейский, – я сейчас приду.

Навстречу по лестнице сопели разномастные девицы, лица озабоченные, движения решительны. 12–30 – время торопиться в столовую. Обед с 13 до 14, но все стараются избежать очереди, первым опять же лучшие куски. Тандемом степенно прошли две женщины. Сутулая худая и толстая с паклями вместо прически. Начальник и заместитель. Предыдущее общение с ними убедило Виктора в том, что полные женщины страдают большим количеством комплексов, чем худые. Пропустив монстров дознания, Свиридов вернулся к Ольге.

– Ты есть хочешь?

– А мы еще долго здесь? У меня денег нет.

Гражданских в столовой не приветствуют, тем более с ре-

бенком.

– Пошли в машину, там посидишь, я поесть что-нибудь принесу.

Виктор отогнал автомобиль в тень соседнего здания, принес из столовой пару бутербродов и пакет сока. Есть время самим перекусить.

– Смотри, какой он спокойный у тебя. А отец где?

– Сидит. – Ольга спокойно посмотрела в глаза участковому.

– За что? – Виктор особо не удивился.

– За наркоту.

– Понятно. Ладно, сиди здесь, можешь на заднее сиденье пересесть. Я постараюсь побыстрее управиться.

По пути в управление звонок из дежурной части отделения.

– Свирид, твоего жулика привезли. Ты когда его забереешь? – Лишний человек в камере дежурному ни к чему. Наказание за административное правонарушение обычно назначается в виде суточного ареста, но правонарушителей отпускают сразу после вынесения решения.

– Подержи до моего приезда, Альберт. Сам знаешь, как тут.

– Ладно.

В дознании послеобеденный перекур. У зарешеченного запасного выхода дамы смолят сигареты. В коридоре ожидают участковые и их подопечные. Разобрать в гражданах по-

терпевших или подозреваемых невозможно. Одежда мятая, лица с похмелья. Такой контингент – нажрутся, рожи друг другу разобьют, бегом в полицию заявления писать. В чем-то дознавателей можно понять.

Принцип тот же – материалы рассматривают заместители по очереди. Замы сидят в одном кабинете, очередь соответственно двойная.

«Старшилина Т. П., Жумантунгулова А. М.» Страшилина Т П, Жимтамтам – читает Свиридов.

В кабинете запах кислятины. Две женщины сидят друг перед другом, как в зеркало смотрятся. Толстомядые, круглолицые, только у одной разрез глаз поуже. Глаза из-под эпикантуса несколько минут рассматривают бумагу.

– Тань, сколько ударов надо, чтобы истязание было?

Стараясь дышать верхушками легких, Свиридов передает Старшилиной злополучный материал.

Татьяна Петровна питает ответные чувства к участковому. Не поднимая глаз, положила материал перед собой. 15 минут Виктор топтался в тесном кабинете, пока заместители разбирались в юридических тонкостях кухонной драки. Старшилина почувствовала, что перегибает палку – Виктор подошел к столу, вены на кулаках червяками. Две минуты – приговор:

– Они раньше были знакомы? Деньги занимала? Самоуправство. Назарова указывает на физическое насилие. Часть вторая – следствие.

– Не берут, повреждения не зафиксированы.

– Это ваши проблемы.

Бумаги шлепаются на край стола. Ваши проблемы! Привлечь жулика к ответственности. Ваши проблемы. А на хуя ты здесь сидишь, манда немытая!? Мысли Виктора кувалдой по грязной голове. Татьяна Петровна – старый воин, ей даже вслух такое скажи, раскраснеется, ответит в стиле пьяного матроса.

Второй этаж.

– Дознание не берет. Старшила говорит ваша тема.

– Я же сказала, – глаза выпучиваются, – нам нечем доказывать насилие, свидетелей искать надо было, а не ходить здесь права качать! Идите к Старшилиной, я ей позвоню.

Права качать. Так называются попытки решить вопрос о подследственности. Придется побеспокоить начальника полиции общественной безопасности, которому починен орган дознания.

– Разрешите, товарищ полковник? – обращения между старослужащим оставались прежними.

В кабинет Айбулата Кимовича Атажонова попасть намного проще, чем к его соплеменнице Жумантунгуловой. Кабинет строг, как морщины под бобриком волос полковника. Стол, ряд кресел, застекленный шкаф. Под стеклом спортивные кубки, медали, в рамках грамоты за отличия в службе, участия в чеченских компаниях. Айбулат Кимович по–настоящему уважаемый человек.

– Что у тебя, Свиридов? – Атлетического вида казах выговаривает слова с дикцией телевизионного ведущего.

– Не можем с подследственностью определиться. Потерпевшая с грудным ребенком с утра здесь.

Полковник читает не по чину малозначительные бумаги. Палец вдавливают кнопки внутреннего телефона.

– Татьяна Петровна, у вас сколько дел в суд ушло в этом месяце? Вам перспективный материал принесли, почему не берете? Да, который Свиридов принес! Со следствием сами разбирайтесь! Сейчас он зайдет.

– Иди. – Айбулат Кимович, золотой человек, возвращает материал. – Если что, ко мне зайдешь.

– Так точно. Спасибо.

Первый этаж.

– Где документы на телефон? Стоимость какая, где чек?

– Какой чек? Куплен на рынке два года назад.

– Бери, где хочешь, справку о стоимости. Цена должна быть больше 2500 рублей, иначе пиши отказной.

Телефон и правда дорогим не назовешь. Уголовная ответственность за самоуправство предполагает значительность ущерба. Такой ущерб наступает после отметки в 2500 р. Ебанный насос! Еще год назад ущерб оценивали собственники. В пределах разумного. Справку теперь подавай! Зимой другу уважаемого прокурора малолетка морду набил. В том же дознании дело возбудили сразу без медицинского освидетельствования. Переквалифицировать всегда можно.

Стекла в машине опущены, Ольга на заднем сиденье, ребенок кричит, как дед на смертном одре.

– Что с тобой?

От фотомодельного вида остались воспоминания.

– Отвези нас домой, не надо мне ничего! – К дрожащим губам от глаз черные полосы.

Истерики только не хватает.

– Едем, едем. Посидишь дома, пока закончу.

Днем дороги свободные, солнце печет не по-весеннему.

Перед домом Ольга выходит не сразу.

– Вы не можете 300 рублей одолжить? Ребенка кормить нечем.

Ребенок – дело святое. Не отдаст, конечно.

Неподалеку магазин по продаже сотовых телефонов б/у. Продавец, длинный худой парень, с изумлением внимает майору:

– Мне нужен какой-нибудь документ, подтверждающий стоимость телефона Nokia...

– Старая модель, мы такими не торгуем даже.

Парень сообразительный – предлагает пустой бланк с печатью ИП.

Ничего не остается, как вписать самому вписать модель и нужную сумму.

Колдоебины дороги, Олд Спайс не справляется, пятна под мышками, первый этаж, Старшилина.

– Я до 16 часов материалы рассматриваю. Сейчас 16–15,

приходи завтра.

– Какой завтра! Жулик пока здесь, в раскладе!

Старшилаина вздыхает, мелькает тень Айбулата.

– Ладно, давай посмотрю.

– Что это за справка? Чек нужен, официальный документ.

Где его взять, родить если только. Или высрать.

– Татьяна Петровна! Я поехал в прокуратуру, напишите на сопроводилровке, что смотрели.

– Ничего я тебе писать не буду, езжай куда хочешь! – Старшилинские слюни по всему кабинету.

Прокуратура расположена в отдельном здании через четыре квартала, на радость полицейским водителям. Отвез туда пару раз следователя, день прошел.

Культурный уровень прокурорских работников на порядок выше. Помощники прокурора предельно вежливы. Вежливость, подкреплённая полномочиями, не позволяет возражать.

– Виктор Андреевич, завтра адвокат такую же справку принесет о стоимости телефона в 500 рублей.

– Так что, отказной писать?

– Решение Вам принимать.

– Спасибо.

«...в связи с отсутствием объективных данных, свидетельствующих о насилии в отношении гр. Назаровой О. А., а также невозможностью оценить реальный ущерб, в действиях гр. Дорофеева С. В. усматриваются признаки администра-

тивного правонарушения по ст. 19.1 КоАП РФ.

Учитывая вышеизложенное, в соответствии со ст. ст. 144, 145, ч. 2 п.1 ст. 24 УПК РФ в возбуждении уголовного дела отказать за отсутствием состава преступления...»

– Так, что, начальник, я пошел? – Дорофеев старается не выдать злорадства голосом, выдают бесенята в глазах. Злые, черные глаза сверлят бывшего опера.

– Славянский шкаф?

– Был шкаф, да весь вышел.

Друзья узнали друг друга по голосу и манере разговора.

– Проблемы?

– Нет. Так, поговорить. Если не занят.

– Завтра днем. Квадрат «М».

Верный друг – лучше любого психоаналитика.

Свиридов стер последний номер, вернул копеечную «моторолу» соседу по столику. Мужик в рабочей спецовке опрокинул стакан, дыхнув перегаром, спросил:

– Что, достали, брат?

Виктор положил полтинник на стол.

– Спасибо. Выпей за справедливость, что ли.

– Дешево ты ее ценишь. – Работяга даже не взглянул на деньги.

Свиридов вышел из рюмочной, поежился. В фланелевой рубашке с коротким рукавом вечером прохладно. Две рюмки водки душу не согрели.

25 июня 2014 г. 14–30

Поселок «Мясокомбинат»

В этой конспиративной квартире, вернее, конспиративном доме Кабанову нравилось бывать больше всего. Неприметный дом из белого кирпича ютился на отшибе рабочего поселка в народе именуемого «Мясухой». Мясокомбинат благополучно развалился в постперестроечное время вместе с родным сельским хозяйством. Торговать заморскими генетическими мутациями намного выгоднее, чем выращивать здоровое мясо. Жители поселка потихоньку спивались, переезжали кто в город, кто на кладбище. Отдаленность рынков объясняло отсутствие загорелых парней с плоскими лицами. Место для строительства особняков не престижное, кирпичи таскать гастарбайтерам некуда.

Все как нельзя устраивало Дмитрия. К дому вела дорога с разбитым покрытием, кустарник по обочинам редкий, обзор даже в ночное время позволял хорошенько прицелиться.

Дом взят в аренду на два года. При вручении предоплаты Кабанов изобразил бандита 90-х, каким его навязал зомбоящик. Хозяйка—старушка с округлившимися глазами торопливо пересчитала пятитысячные. Убедившись в полноте расчета, больше не напоминала о своем существовании.

Теплый весенний воздух сквозил в приоткрытые ставни. К испарениям земли примешивался запах гниения прошло-

годней растительности. Погода в середине мая как сезон дождей в тропиках. Проливные дожди сменялись палящим солнцем, ночью лужи отражали ртуть лунного диска в черной бездне.

Кабанов сидел за грубым столом в майке и джинсах. На брусках ввевшиеся пятна масла. Стол превращен в верстак, старые доски в потеках не подсолнечного масла. Слесарные инструменты, куски железа, тиски, наждак, сверлильный, токарный станки.

Китайский станок полностью отрабатывал стоимость. Для кабановских затей микронной точности не требовалось. В патроне зажат ствол от МР 654 – изуродованной копии пистолета Макарова.

Военные заводы десятилетиями производили чудо конструкторской мысли. Голова конструктора мыслила по-советски: больше, дешевле, надежнее. Удобство использования, быстрота перезарядки, убойная дальность в мыслительном процессе оставались на втором плане. Н. Ф. Макаров в конце 40-х создал действительно чудесный по простоте и надежности пистолет. Чудесный для использования в мирное время сотрудниками силовых ведомств. Или для ношения армейскими офицерами в качестве личного оружия. Заводы выполняли и перевыполняли план. Военные склады заполнялись зелеными ящиками. В 90-е руководство Вооруженных сил нехотя признало моральную старину ПМ, заказы пошли на более современные образцы. Куда девать запа-

сенное добро, как заработать на куче металла? Выход найден быстро – раз нельзя продавать населению нарезной отличный гражданский пистолет, надо предложить модификации: охранным структурам – гладкоствольный вариант боевого, гражданам – газовое и травматическое по лицензии, остальным балбесам – пневматику. Аналогичная ситуация на рынке псевдооружия сложилась с еще более легендарным револьвером образца 1895 года. Царская Россия дала фору СССР – нагановский револьвер с одиночным заряданием барабана устарел еще до серийного производства. Ох, не нынешним жульем придуманы откаты.

Таким образом, огромные запасы кастрированного оружия выброшены на дикий рынок. Оружия из настоящего железа со всеми необходимыми деталями. В отличие от яиц операция по восстановлению достаточной потенции короткоствола легко производится на коленке.

Птэушник, имеющий доступ к токарному станку, за пару часов может обзавестись вполне боевым стволом. Получить за внешкольную работу реальный срок тоже можно получить очень быстро. С подобными вещами государство не шутит – это вам не предприятия банкротить.

Травматика предполагает нелетальное решение конфликта. При этом для решения в пользу обладателя чудо-оружия необходимы обязательные условия. Нападающий должен быть трезв, летняя маечка должна облегать сухопарую фигуру, сама фигура находится на расстоянии от 1 до 5 мет-

ров, попасть нужно исключительно в мышцы выше пояса и ниже шеи. Реальным останавливающим эффектом могла похвастаться разве что «Оса». Повального вооружения не произошло из-за убогости внешнего вида, неудобства ношения, а для более серьезных людей – из-за ненадежности электрического воспламенения патрона, малого боезапаса, отсутствия кучности.

Кабанов ждал начала войны. Для предстоящих боев травматическое оружие не пригодно.

6 мм сверло легко срезает нарезы. Стружка ленточным червем вылезает из-под сверла. Металл мягкий, совсем не оружейный. Это скорее плюс – в худшем случае ствол раздует, а не разорвет на куски.

В кабановские планы воевать с такими поделками не входило. Эрзац–пистолет необходим только на первом этапе. Настоящая война начнется с трофейным оружием.

Дмитрий встал, потянулся – плечи назад, грудь вперед, хрустнули позвонки, мышцы обрадовались притоку крови.

– Ну что, посмотрим, что нам господа журналисты переварили.

Шестая кнопка на пульте заряжена на срально, пардон, сериально–новостной канал. Интернет в последние месяцы заболел новостной диареей, заразу разносят интернет–бойцы – сутулые блогеры с припухшими лицами, подростки между сеансами мастурбации. Доверять можно только собственным глазам.

Дмитрий не любил журналистов, быдло—сериалы ненавидел. Но данный канал выбран именно из-за бесшабашности подачи новостей. Отсутствие первоначальной цензуры, элементарного благоразумия давало возможность смотреть между пикселей. Надо отдать должное, журналисты в погоне за жареными фактами не вылезали из горячих точек. Что-что, а новости всегда выходили интересными по форме. Кабанова интересовали не только подаваемые факты, а еще поведение журналюг при этом, задний план, людская масса, настроения толпы.

Как всегда, лучшая картинка с мест, подконтрольных США и Израилю. Кудрявый журналист кривит губы в улыбке, глотая микрофон, докладывает о завершении вывода американских войск из Афганистана. На фоне бесноватой толпы, ощетинившейся зелеными флагами, проходит колонна ощетинившейся стволами бронетехники. Среди БТРов просматриваются черные лимузины. Дипломаты с семьями?

Дикие народы радуются. Наивные, теперь нет у вас вооруженных заложников. Теперь, господа, достаточно пары ядерных бомб, чтобы превратить агрессивный регион в смрадную пустыню. Американцы сплачиваются на своем континенте.

– После короткого затишья обострились отношения между Пекином, Токио и Сеулом. Премьер Японии Синдзо Абэ впервые пригрозил применить силу против КНР, если китайцы попытаются высадиться на контролируемых Токио

островах Сенкаку. В тоже время Китайские государственные СМИ сообщили на этой неделе о приобретении 24 российских истребителей Су-35. Предположительно, сделка была подписана в конце 2013 года в рамках долгосрочного проекта по совместному освоению Сибири и Дальнего Востока, однако, в настоящее время Российское правительство хранит молчание по этому поводу.

Как обычно, сами врага вооружаем, лишь бы чьи-то банковские счета пополнились.

Кудрявый журналист продолжал:

– За риторикой стратегического партнерства скрывается конкуренция двух государств за влияние в Центральной и Восточной Азии. Россия – это великая держава, не признающая своего спада и относительной мощи Китая. Десятилетиями являясь «старшим братом», вселявшим Мао Цзэдуну страх, толкнувший его в объятия США, Москва теперь тревожится, что обширные ресурсы ее малонаселенного востока окажутся, в конечном итоге, в руках Китая.

Свято место пусто не будет. Не можешь пользоваться сам, заберут другие.

– К финансовым новостям. Индекс Доу Джонса... баррель нефти на торгах... продолжают поставки газа...

Все хорошо, прекрасная маркиза, дела идут как никогда! Дмитрий надел пружину помощнее на расточенный ствол, затворная рама от «Макарыча» встала в новые пазы. Затвор на задержку, патрон в патронник.

Реклама прокладок заканчивается, в обеденное время без нее нельзя.

– Астероид ..., – так, вот оно! сработал детектор звука в голове, по зрительным каналам понеслось изображение ведающего. Скованность движений не соответствовала скороговорке.

– Продолжает движение в нашей вселенной. В Европейской части России астероид замечен с 3 часов ночи как наиболее крупная звезда в созвездии Козерога. По новым данным размеры небесного тела... километров в поперечнике, что позволяет называть тело малой планетой, однако, по мнению ученых, он состоит из прессованного льда. Таким образом, даже в случае вхождения в атмосферу земли, основная масса полностью растает. Хотя подобный сценарий маловероятен – по словам специалистов NASA отклонение от орбиты в сторону Земли ничтожно.

– А теперь новости культуры. Новую интерпретацию Чеховский «Чайки» поставил известный московский режиссер Антон Боголюбов.

– Мы хотели показать всю беспощадность, – модный режиссер любит слово, говорит значительно, растягивая слова, – столичных жерновов, через которые надо пройти для выживания, карьеры, успеха...

Гладкая смуглая кожа на педерастическом лице, подведенные глаза, модная седина в эспаньолке. «Беспощадность»! Беспощадный ты наш.

Затвор лязгает с задержки, можно испытывать дело очумелых рук.

Зомбоящик. Ушат мочи в заплывшие глаза. Клистирные трубки гудят о победах.

Аварии на предприятиях, оборудование изношено до предела. Обесточиваются стратегические объекты, падают военные самолеты. Выгорают леса с разных сторон, МЧС оправдывается солнечной активностью, нехваткой техники. На границе с Казахстаном узкоглазая молодежь разоружила пограничников. В брошенных деревнях Астраханской области лагеря ваххабитов. Бензин 50 рублей за литр в нефтедобывающей стране.

Мозг Кабанова временами грызла предательская мысль. А достоин ли народ своей земли. Народ, любимой поговоркой которого стало: «Не наебешь, не проживешь». Народ, где молодежь гордится количеством выпитого пива на вечеринке по случаю вручения белого билета. Народ, не помнящий своей истории, стыдящийся недавним прошлым. Российская империя объединила множество национальностей. Русские являлись белым монолитным камнем в основании. Раствор – уважение к титульной нации. Уважение завоевано силой предков. Силой не только военной, прежде всего силой русского духа, ответственностью за свои слова, честностью перед собой и окружающими.

Приливы либерализма и толерантности размывали раствор, подтачивали основание. Теплые мутные воды баюка-

ют сознание: ты не русский, ты россиянин. Ты должен меньше работать, больше развлекаться. Тебе ни к чему сильные мышцы, благороден лишь умственный труд. Менеджер – идеал молодого россиянина. Кресло, монитор, клавиатура. Белая рубашка, телефон, набор умных слов. Иномарка, ипотека. Не заработал пока? Пожалуйста – кредит, ставка совсем ничего, отдашь, когда сможешь. А строить для тебя дома приедут гастарбайтеры из Азии. Совсем немного смиренных парней. Они построят и уедут. Не переживай, развлекайся. Пока не закончились ресурсы родной земли, Газпром поделится национальным достоянием. В Европейских банках активы олигархов. Разноцветные бумажки, золото, бриллианты. Крошки на прожитие – родному народу. Алкашам реки спирта, наркоманам открытые с Таджикистаном границы, менеджеру взрослые игрушки.

Но. «Вас возмездье ждет и на земле!» Шекспир. «Мы будем срать в золотые унитазы!» Ленин.

Золото и разноцветные фантики – богатство?

Кабанов посмотрел на самодельное оружие, руки с канатами мускулов под кожей. В юности в качестве боевиков по талонам шли книги Дюма и Буссенара. «С таким богатством мстить милое дело, а ты попробуй так – на свои шиши». Первая мысль по прочтении «Графа Монте-Кристо».

Кабанов окинул взглядом комнату, стол, станок, разложенные инструменты, сварочный аппарат в углу. Руки, воля и ум – вот главное богатство. И все же есть немного от мсти-

тельного морехода – Эдмонд Кабанов выгодно продал квартиру. Деньги потратил на автомобили, инструменты, лекарства, консервы. Снял жилье в разных местах, устроил сходы.

Динамики ноутбука, как смогли, попытались напугать сиреной. На серой четвертинке экрана замигала красная точка. Камеры установлены по углам крыши. Детектор движения сработал у той, что направлена в сторону дороги из города. Ближе 500 метров на легковом транспорте подъехать затруднительно. Водитель оставил автомобиль на обочине, к дому направился уверенным шагом.

– Ну, здравствуй, брат. – Дмитрий узнал мужчину по решительной походке, по спортивной фигуре. Пора встречать гостя. Крутанув пистолет на пальце, не удержался, сунул за пояс...

Свиридов, чертыхаясь, шел по рытвинам. Хорошо, что переоделся, переобулся. В ментовских туфлях здесь бы ноги переломал. Нашел друг явочное помещение! Стоит на крыльце конспиратор. Ему то хорошо – с ума сошел, цель в жизни появилась. Всегда одиночкой был, ни с кем не хотел связываться, никого не хотел связывать. 42 уже, он на пенсии ковбойствовать стал. А чего, ни детей, ни плетей. У самого что ли семеро по лавкам? Похоже, не качается, как прежде.

Кабанов вышел навстречу, улыбка на загорелом лице. Выцветшие джинсы облегают бедра, за поясом рукоятка пистолета, белая майка подчеркивает красное дерево мускулов.

Ковбой. Шляпы не хватает.

– Свирид!

– Кабан!

Друзья впечатали ладони.

– Ну, пошли в дом, дорогой!

Кабанов закрыл дверь, задвинул засов.

– Как дела на переднем краю борьбы с преступностью?

– Гуманизм свирепствует.

Свиридов посмотрел на стол, станки, разложенные инструменты, обрезки труб, части каких-то механизмов.

– Ты все вооружаешься? Все к концу света готовишься? Серьезно думаешь, катаклизм произойдет?

– Он уже давно идет, Витя! – Кабанов помрачнел, в голосе зазвенел металл. Пистолет за поясом показался детской игрушкой. Дмитрий передернул затвор, разряженный положил на стол.

– Ты не видишь, что происходит? Русские мрут во всех прогрессиях. Водка, наркота, лень, инфантилизм – такие ленты надо класть на гробы. Нация исчезает. Сейчас уже не скроешь, к чему ведет дерьмократия и толерантность. В этих кульках землю родную продают.

– Что-то завелся я. – Дмитрий выдохнул. – Обедать будешь?

– Опять консервы твои? Загнешься ты через них.

– Скорее ты загнешься на магазинных продуктах. У меня еще советская тушенка есть 90-х годов, угощу как лучшего

друга. – Кабанов уже доставал из шкафа поблескивающие через солидол банки.

– Где достал? Не отравимся?

– Нашел. Seriously нашел. На склад наткнулся в пещере.

– Ты и спелеолог еще?

– Родные Жигули богаты тайнами. Склад военный. Заброшенный.

– Заброшенный?

– Как его охраняют – брошенный.

Друзья организовали нехитрый обед: на электроплите подогрели две банки красного перца, бросили в кастрюлю настоящую тушенку. Виктор лет 15 не видел консервов из честной говядины. 10 минут и блюдо готово.

– Ну и дальше что? В смысле родной земли?

– Дальше? Дальше будет вот что, – Кабанов ткнул ложкой в телевизор. В экране трясли щеками немногие оставшиеся депутаты, лихорадочно бегая по пустующим рядам зала заседаний.

– Заметил, как мало стали политиков показывать? А потому что своим спасением они занялись. Настоящие правители давно уже в гробу видали народ и земля для них дойная корова. Только уже и доить разучились и животина продана. Не нужны мы здесь! Проще гастарбайтеров пригнать: дешевле и объяснять ничего не надо. Народ начинает роптать. Что проще всего сделать? Какой-нибудь политический провокатор заорет: «Россия – для русских! Однозначно!», молодежь

зенки выпучит, начнутся погромы. Президент введет чрезвычайное положение. Война начнется гражданская, строго контролируемая война. Армия будет в стороне, не сомневайся. Почему? Потому что под шумок полезут китайцы в Сибирь – продали ее, некому ресурсы выкачивать. Войну назовут локальным конфликтом. Армия тихонько начнет сливать территории. Погибать просто так, за идею, никто не захочет, а земли у нас сибирской – до Урала. До наших вот границ.

– Тут прилетит твоя планета, и инопланетяне нас спасут.

– С какого перепуга инопланетянам нас спасать? Себя мы только сами спасти можем. Инопланетян не будет, конечно, зато когда планета над головой зависнет и всем станет ясно, что столкновение неизбежно, здесь такой Содом с Гоморрой начнется! Жрать друг друга будут.

– Не борщишь? Больше жрать нечего будет что ли? У тебя вон тушенки завались. А мимо пролетит, что тогда, Нострадамус?

– А тогда исламисты нас сожрут. Без всяких ракет и самолетов. Вырежут в городах администрацию в назидание, захватят склады с вооружением, банки, почты, телеграфы. Сценарий известный. Установят порядочек свой. Баб в чадры, мужикам по чалме. Будем пять раз на дню лоб расшибать.

– Что-то ты, Диман, совсем меня расстроил. Мужики то у нас еще остались. Думаешь, так просто родную землю сдадут?

– Остались! Алкаши, наркоты, менеджеры пузатые! Армия зажирела и спилась, все современное вооружение можно по телевизору пересчитать на парадах. Молодежь лучше в дурку ляжет, чем служить пойдет. Слава Богу, ментовка еще хоть на половину русская. Начальство гнилое скovyрнуть – так вполне боеспособное войско.

Вот если астероид или планета чертова реально к Земле приблизится, вот тогда, как не парадоксально, есть у нас шанс родину спасти!

Свиридовская порция давно остыла. Виктор всегда считал друга своеобразным человеком, но не настолько.

– Да, Витя, когда петух к жопе пристроится, вот тогда русские такие подвиги вместе натворят, мама не горюй.

Двусмысленная фраза развеселила Свиридова.

– Русские, говоришь, петухов боятся? Хорошо. Только «мы живем в огромной стране, и все остальные нам завидуют», а татар, например, куда девать?

– А ты думаешь, у них жопа особенная, они с исламистами в одной шеренге будут? Ни хрена. Сколько мы здесь живем, уже не поймешь, чья это земля. Татары в цивилизацию влились, назад пальцем жопу подтирать ни один муфтий не заставит. Татары Коран правильно понимают. В смысле культа большого не делают. Ты ешь давай!

– И что собираешься один делать?

– Уже не один. Помнишь, парня в армию отправляли из больницы? Так я там с доктором подружился, очень ему не

нравится ушлепков разных лечить.

– Вот так сразу к тебе в команду записался?

– Я к нему несколько раз ездил консультироваться по поводу запасов из пещер – медикоментов, провизии разной. А с инструментами, – Кабанов показал на станок, – меня водила со «скорой помощи» учит обращаться.

– Вас теперь целая банда.

– Ты эту названию брось! Так нас господа демократы обзывают. А мы себя называем – восставшие люди. Коротко и ясно.

Свиридов поперхнулся от смеха, положил ложку, на дне тарелки еще оставались куски мяса.

Чайник щелкнул выключателем. Кабанов достал экономичную упаковку, чашки.

– Кофе будешь?

– Конечно!

Легко с лучшим другом. Когда понимаешь с полуслова, нет обязательств, но знаешь, что всегда можешь положиться на верную руку и честное сердце.

– Я, наверно, увеличу штат революционеров.

Кабанов разливал кипяток, губы растянулись в сдержанной улыбке. А куда бы ты делся, дорогой товарищ! На этот раз Дмитрий ошибся.

– Ко мне Тремасов Леха заходил. – Свиридов улыбнулся. – Помнишь историю про обосравшегося генерала?

– Топор заходил? Как он?

– Уволили его все-таки, помаялся бедолага – в серьезные структуры путь заказан, типа, неуправляем, а скорее – в черный список попал. В ЧОПе работает сейчас. Скучно ему. Ко мне приходил лицензию на оружие выправлять. Охотником заделался. Тоже вооружается. Вот вместе вам точно по пути.

– Давай, объясни, как связаться. У самого симки непаленные остались? – Вроде мимоходом спросил конспиратор.

– Проблем нет, звоню с разных точек, не переживай. – Виктора царапнула проверка.

– Диман, ты своих подопечных помнишь?

– О ком разговор?

– Дорофеев такой знаком? Наркот, недалеко от отдела живет.

– Славик который? Опять натворил чего?

– Почему Славик все-таки? – Виктор поднял глаза.

– Агентурный псевдоним у него «Славный». Сама себе придумал, по НОНовской линии работает. Только больше прикрывается этим. Для плана сдает мелочь, сам от цыган раскидывает. – При оформлении агентурных документов Кабанов не упускал возможности заглянуть в учетные тетради.

– Я его с телефоном принял, соседку ограбил. Она заявку написала, все как положено. Славик мне заливает, за долг забрал, вроде как на игле терпила. Ни следствие, ни дознание дело не возбудили. Ни грабеж, ни самоуправство. Нет состава преступления и все!

– Чему ты удивляешься? Чтобы наши дамы загорелись жулика посадить, седалища от кресел приподнять, нервы напярять на допросе? Оно им надо? Законы все в угоду преступникам переписаны. Думаешь просто так? А сейчас тем более одна видимость работы, когда по ящику ужасы нагнетают! Правоохранители наши только о себе сейчас думают.

– Может, НОНовцы за него вписались?

– Не думаю. Не того полета Дорофеев. Обычное жлобство. Плюнь ты на это! Давно бы уволился...

– И к тебе в партизаны! Ничего еще не произошло, метеорит не падает, а ты уже отряды создаешь. – Свиридов допил кофе, добавил:

– А на земле кто работать будет?

Кабанов глотнул кофе, вдохнул горячий аромат. Нельзя, Виктор, тебе все знать пока. Не готов ты. Ковыряешься в дерьме в белых перчатках.

– Оно, конечно, служить и защищать! Закон и порядок. Вор должен сидеть в тюрьме. – Дмитрий резко поставил чашку, фарфор звякнул по затвору пистолета.

– А как по-другому?

В глазах Кабанова синь июньского неба залила сталь. Вор должен висеть в петле!

Свиридов возвращался в смешанных чувствах. От встречи с другом ожидал удовлетворения, произошло скорее наоборот.

– Мужчина, застреливший накануне пять человек в Сара-

тове, скончался в больнице от огнестрельных ранений, которые получил в перестрелке с правоохранительными органами. Полиция в интересах следствия не раскрывает имя преступника, однако местные СМИ утверждают, что стрелявшего звали Олег Добрынин и он проживал недалеко от места устроенной им бойни. Мотивы преступления до сих пор остаются неизвестными. Однако люди, знавшие Добрынина, отмечают, что уже несколько дней Олег находился в состоянии депрессии после обнародования информации о недавно открытом на границе солнечной системы нового объекта, движущегося в сторону Земли. Добрынин утверждал, что наступает апокалипсис и спастись от Страшного суда можно только заранее покончив с собой. Остается предположить, что Добрынин собирал себе команду, опустошая магазин охотничьего карабина.

Черт знает что в стране творится. Свиридов вел автомобиль на второй передаче, в городской черте уже, а колдоебины как у Кабана на «Мясухе»! В открытые окна вместе с раскаленным воздухом влетели черные клубы выхлопных газов. Впереди идущий КАМАЗ прибавил скорости, в кузове качнулся взвод солдат, у борта старослужащие – лица хмурые, похоже, не на прогулку везут. Свиридов закашлялся, потянулся к кнопке подъемника стекла, колесо ныряет в яму, удар сотрясает кузов.

– Еб твою нос! Уроды!

Радио продолжает вещать:

– Российские ученые пришли к выводу, что употребление генно–модифицированных продуктов никаким образом не оказывают отрицательного воздействия на организм. Рост числа онкологических больных в Приволжском регионе можно связать с достижениями в области диагностики опасного заболевания.

Полицейский, стиснув зубы, усилил контроль за движением. Перед мостом через железнодорожные пути часть бывшего рабочего квартала. За несколько лет после смягчения миграционного режима квартал стал полностью черным. Светофор. Гастарбайтеры, мигранты, немытые женщины и дети совершенно не обращают внимания на цвета светодиодов. На «зеленый» Свиридов медленно въехал в толпу будущих граждан России. Поднялся гвалт на чужеземном наречии, по машине несколько раз ударили кулаком. Виктор надел фуражку, со злостью ткнул в центр руля. Кокарда, сигнал, решительный рывок – толпа дрогнула в испуге. Через мост еще один светофор, перед свиридовской восьмеркой на зебру выруливает черный джип. Тонированное стекло опускается, не жалея охлажденного воздуха, мордатый славянин презрительно выбрасывает бычок в спину пешеходам.

– Вам не дают кредит? Ссылаются на неблагоприятную кредитную историю, на отсутствие обеспечения обязательств? Мы вам поможем! Звоните 322–222–232, и мы завалим суды исками.

– Форекс! Вы можете работать, где угодно! Сами устанавли-

ливать потолок заработка! Деньги должны работать! Мы научим вас делать деньги. Первый мастер–класс с американским миллиардером Мавродаки – бесплатный!

На рекламную скороговорку Виктор перестал обращать внимание, путь лежит в сторону отдела. На последнем повороте на всех четырех углах расположены питейные заведения: продуктовый магазин с винным отделом на розлив, рюмочная в торце здания, пивной павильон, аптека.

Из аптеки с беззубой улыбкой бомж тащит, прижимая к груди, стограммовые пузырьки – тоник под названием «Перцовка».

У пивной пузатые мужики в одной руке держат кружку, в другой ладошку отпысков. Заботливые папаши гуляют с детьми.

Из магазина с веселыми криками вываливаются подростки, закуривают и пацаны и девчонки, хотя кто есть кто и вблизи разобрать сложно: штаны с обосранными задницами, фигуры узкоплечие – унисекс.

Да, ВиктОр, старикан ты, старикан. Раньше и трава зеленее и небо голубее...

Взгляд старикана цепляется за стройные ножки. Знакомая фигура. Назарова идет, склонив голову, волосы вороньим крылом закрывают лицо. Свиридов притормозил, Ольга шла медленно, ничего не замечая вокруг.

– Назарова, здравствуй. Как дела? – Свиридов дотронулся до плеча девушки.

Ольга подняла голову, левая сторона лица красная, чуть припухла. В синих озерах глаз тонет красная сетка сосудов.

– Ольга, что с тобой? Кто тебя обидел?

– Что пожалел? Вот и Славик пожалел месяц назад! И сейчас пожалел! Жалостливые вы все, когда приспичит! – В голосе Назаровой истерика.

– Ты чего несешь? Успокойся!

Сначала надо успокоиться самому. Кричать на девчонку, требовать подробностей сейчас нельзя. На взводе. Погоди, зрачки в точку. Неужели, в самом деле на игле сидит? Славик сейчас пожалел. Похоже, вмазал ее. Ситуация прояснялась. Свиридов отпустил руку.

– Ольга, ты красивая девушка. Успокойся, конец света еще не наступил. – Опять Кабан с его планетой!

– Нет у меня приспичинских чувств.

Вот так с девушками, чем глупее слова, тем быстрее доходят. Ольга всхлипнула, но сдержаться не смогла, засмеялась:

– Все вы так говорите!

– Так уж и все! – Главное не спешить, как через поле с закрытыми глазами. Где стадо коров прошло.

– Оль, присядь в машину. Посидишь, успокоишься. Захочешь – расскажешь. – Свиридов распахнул длинную дверь.

Год назад Ольга жила с парнем. Василий приехал на заработки из деревни, работал экспедитором на хладокомбинате. Познакомились в парке в начале весны, понравились друг другу, сразу стали сожительствовать. Василий перебрался в

Ольгину квартиру, поладил с матерью. Зарплата нормальная, никаких проблем.

– Я знала, что Вася анашу курит, но ничего такого...

Вася познакомился с местной блатотой, в том числе с Дорофеевым. Дорофеев и раньше к Ольге подкатывал, но безуспешно.

– Он скользкий, длинный, синий весь. Фу!

Так получилось, что денег вдруг не стало хватать ни на развлечения, ни на обновки. Василий говорил о задержках, штрафах. А Ольги тоже случилась задержка.

– Я знала, что Вася колется, но все равно рожать решила. Он мне говорил, что попробовал только. Дорофеев угостил.

Дорофеев угостил два раза, после дозы только за наличные. Однажды предложил Василию отдать ему во временное пользование Ольгу. Произошел обмен ударами, кулак сельского жителя оказался больше. Дорофеев свел инцидент к шутке, герыч продал со скидкой.

– Вася мне про этот случай уже на свиданке рассказал.

Через день после дуэли Василия приняли с дозой, когда он возвращался от Дорофеева. В свете очередной шумной кампании по борьбе с наркоманией, уголовное дело расследовали в кратчайшие сроки, Вася дали небольшой, но реальный срок. Степана отец пока так и не увидел. Дорофеев, как увидел округлившийся живот, к Ольге больше не приставал.

Всю зиму молодая мамаша просидела дома. Молодая бабушка запила, детского пособия категорически не хватало,

тут еще Вася посылоч, денег просит. У Степы со здоровьем не все в порядке.

– Я на улицу выйду, когда мать трезвая со Степкой сидит, все гуляют, весне радуются, а у меня слезы одни! Что за жизнь у меня такая...

Вечером к Ольге на лавочку подсел Дорофеев. Трезвый, одет хорошо, чисто. Спросил по-доброму, что плачет такая красивая девушка. На ответ, что жизнь собачья, предложил лекарство.

– Сказал, транквилизатор какой-то. Если бы при мне бадяжить стал, ни за чтобы не позволила себя уколоть.

Дорофеев осторожно ввел в вену слабый раствор героина, Ольге стало так хорошо, как она уже и не помнила. Сплошная радость кругом, все проблемы превратились в песок.

Добрый доктор снова начал подбивать клинья. Ольга догадалась, что за транквилизатор подарил ей счастье, но отказаться от следующей дозы не смогла. Последние деньги уходили на отраву. Честь пока оставалась неразменной монетой. Славик взбесился, избил, отобрал деньги телефон.

– Мне тоже обидно, в конце концов! Я и написала заявление на него, а толку то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.